

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).

Перевод уже был опубликован в 2012 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/184/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2011 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “АСЛАХАНОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалобы №2944/06 и №8300/07, №50184/07, №332/08, №42509/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 декабря 2012 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
29 апреля 2013 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Аслаханова и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция) Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Ханлар Хаджиев,
Мириана Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранке,
Линос Александр Сицилианос,
Эрик Моз, *судьи*,
и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,
Заседая 4 декабря 2012 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано пятью жалобами (см. Приложение 1) против Российской Федерации, поданными в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») шестнадцатью гражданами Российской Федерации (заявители) в дату, указанными в Приложении 1.

2. Заявителей в Европейском суде представляли юристы НКО "Правовая инициатива по России" (и ее партнерская организация «Правовое содействие Астрей») и практикующий в Ингушетии адвокат г-н Д. Ицлаев. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что восемь их родственников были задержаны в различные дни в период с 2002 по 2004 годы в Грозном или Грозненском районе сотрудниками Государства и что власти не провели эффективного расследования в связи с этим.

4. Жалобы были коммуницированы Правительству в период апреля 2008 года по январь 2011 года. Также Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости (в соответствии с положениями Статьи 29 § 1 Конвенции).

5. 15 июня 2011 года Суд решил уведомить Правительство о дополнительных вопросах по Статье 46 Конвенции относительно возможного системного характера отсутствия расследования по фактам исчезновений.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛ

6. Жалобы были поданы пятью семьями, которые жаловались на исчезновение восьми мужчин их родственников в городе Грозный и

Грозненском районе в период с марта 2002 года по июль 2004 года. Похищения произошли в очень похожих обстоятельствах: родственники заявителей были задержаны группой вооруженных людей в масках в собственных домах или на улице, задержания по своему характеру напоминали спецоперацию. По каждому конкретному случаю в местной прокуратуре было возбуждено уголовное дело. К концу 2011 года, когда последние замечания сторон были представлены в Суд, расследования по этим делам так и оставались незавершенными, не было получено каких-либо ощутимых результатов, касающихся местонахождения родственников заявителей или личностей виновных.

7. В своих замечаниях Правительство не оспаривало основные обстоятельства каждого дела, как они были представлены заявителями, но отметило, что внутренние расследования ведутся и преждевременно делать какие-либо выводы о точных обстоятельствах преступлений. Оно утверждало, что не было установлено с достаточной определенностью ни то, что родственники заявителей были задержаны агентами государства, ни факт их смерти.

8. Далее приводится краткое изложение событий, относящихся к каждой индивидуальной жалобе. Персональные данные о заявителях и их пропавших родственниках и некоторые другие ключевые факты приведены в таблице (см. Приложение 1).

А. Жалоба №2944/06, Сацита Аслаханова против России

1. Похищение Апти Автаева

9. Заявительница жила в Урус-Мартане, Чечня, вместе с мужем Апти Автаевым. У них есть две дочери 1997 и 1999 года рождения. Согласно заявительнице, около 10 часов утра 10 марта 2002 года большая группа вооруженных военнослужащих, приблизительно 50 человек, в камуфлированной форме проводили спецоперацию по улице Дзержинского в Грозном, где муж заявительницы в то время работал. Военнослужащие использовали БТРы (бронетранспортеры) и военные машины марки УРАЛ; на технике не было регистрационных номеров. Военнослужащие заходили в дома, обыскивали их и увели Апти Автаева.

10. Заявительница не является очевидцем похищения ее мужа, так как в указанное время находилась в Урус-Мартане. Изложение событий 10 марта 2002 года основано на ее заявлении, данном представителям 1 августа 2004 года, и на показаниях свидетелей похищения Апти Автаева: г-на М.Д. от 14 июля 2005 года, г-на Р.П. от 14 июля 2005 года и г-жи А.Б. от 15 июля 2005 года.

2. Официальное расследование

11. 11 марта 2002 года заявительница приехала в Грозный и начала поиски мужа. Она лично обратилась в местную полицию, в военную комендатуру и прокуратуру района. Заявительница также обращалась с

письменными жалобами в различные органы власти, о чем она сообщила лично и о чем свидетельствуют некоторые ответы на ее запросы, полученные в июне 2002 года

12. 19 августа 2002 года прокуратура в Ленинском районном отделе внутренних дел города Грозный возбудили уголовное дело №48139 по факту похищения Апти Автаева по Статье 126 ч. 2 Уголовного Кодекса (похищение при отягчающих обстоятельствах). В этот же день заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу.

13. Расследование приостанавливалось несколько раз. Также его переводили из одной прокуратуры в другую. Правительство отказалось предоставить какие-либо документы из материалов дела. Вместо этого оно сослалось на некоторые документы, которые, по их мнению, ставят под вопрос факты, представленные заявительницей. Заявительница в связи с этим представила копию докладной записки с неустановленной датой, в которой начальник Ленинского РОВД сообщал прокурору Грозного, что Апти Автаев был задержан «военнослужащими комендатуры Ленинского района, которые объяснили [местным жителям], что они могут найти его убитым тело в реке Сунжа». Те же самые военнослужащие позже вернулись и «учинили беспредел» в отношении свидетелей похищения, заставив их спастись бегством. В своих замечаниях Правительство усомнилось в достоверности этого документа. Кроме того, оно утверждало, что г-жа А. Б., хозяйка дома в Грозном, где был задержан Апти Автаев, в рассматриваемый день находилась в отъезде. В свою очередь заявительница оспорила это утверждение и представила дополнительные показания г-жи А.Б. от 15 сентября 2009 года, подтверждающие ее предшествующие заявления как очевидца похищения и свидетельствующие о том, что власти не допрашивали ее относительно данного преступления.

14. 19 сентября 2005 года Ленинский районный суд города Грозный удовлетворил жалобу заявительницы относительно неэффективности расследования, поручил властям возобновить расследование по уголовному делу и предоставить заявительнице копии некоторых процессуальных документов. В то же время, суд постановил, что заявительница может сделать получить доступ и сделать копии с материалов уголовного дела только после завершения расследования. 9 ноября 2005 года Верховный Суд Чеченской Республики оставил в силе постановление по этой жалобе.

15. 11 марта 2003 года, согласно заявительнице, Ленинский районный суд города Грозный признал Апти Автаева пропавшим без вести с 10 марта 2002 года.

В. Жалоба №8300/07, Баршова и другие против России, и жалоба №42509/10, Ахмед Шидаев и Белкис Шидаева против России

1. Похищение Анзора и Сулумбека Баршовых

16. В 2 часа ночи 23 октября 2002 года приблизительно тридцать вооруженных людей в камуфляжной форме, в масках, вооруженных

автоматами с глушителями и говоривших по-русски, ворвались в дом заявителей в Грозном, обыскали его и избили двух братьев Баршовых. Они надели черные полиэтиленовые пакеты на головы двух мужчин, закрепили их с помощью клейкой ленты и увезли братьев в нижнем белье и босиком. Злоумышленники связали руки заявителям и заклеили рты скотчем. После того как заявители смогли освободиться, они проследовали за отпечатками военных сапог и босых ног, которые были отчетливо видны на мокрой земле. По этим следам заявители пришли к военному контрольно-пропускному пункту, расположенному на мосту через реку Сунжа, примерно в 700 метрах от их дома. Дежурные военнослужащие утверждали, что их родственники были увезены "федеральными военнослужащими" на автомобилях марки УАЗ.

17. Первая заявительница представила свое заявление в ноябре 2006 года, и его также подтвердили четверо ее родственников и соседей, давшими в августе и ноябре 2006 года свои показания, которые полностью совпадали с показаниями заявительницы.

2. Похищение Абуязида Шидаева

18. Ахмед (заявитель) и Абуязид Шидаевы (его отец) были задержаны в 2 часа 30 минут в ночь на 25 октября 2002 года в своем доме, предположительно той же группой, которая задержала братьев Баршовых (жалоба №8300/07). Ахмеда Шидаева освободили 30 октября 2002 года в лесу недалеко от Грозного, и он дал подробные заявления в суд и следственные органы о том, что его с завязанными глазами привели на контрольно-пропускной пункт, посадили в автомобиль марки УАЗ и впоследствии содержали на военной базе. В ночь похищения, во время транспортировки на автомобиле УАЗ, а затем на военной базе он содержался вместе с отцом и братьями Баршовыми.

19. По словам заявителей, когда первый заявитель был освобожден, то имел многочисленные кровоподтеки на теле и голове, шрамы на внутренней стороне ног и опухшие яички. Он боялся обратиться за медицинской помощью в Чечне и прошел стационарное лечение в течение трех месяцев за пределами республики под чужим именем. Ему была рекомендована операция травмированных яичек. Заявители не представили никаких медицинских документов в подтверждение своих утверждений о травмах первого заявителя.

20. В дополнение к подробным показаниям, данным внутренним следственным органам (см. ниже), заявители представили три свидетельских показания в суд в июне 2010 года, где подробно описали события.

3. Официальное расследование

21. Расследование по факту похищения братьев Баршовых [во многих материалах дела фамилия пишется так же, как "Боршов"] и двух членов семьи Шидаевых было возбуждено 31 октября 2002 года в Ленинском РОВД

Грозного. Следствие приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, но не дало ощутимых результатов. В мае 2011 года правительство представило 592 страницы - все содержимое материалов уголовного дела №48188. Согласно дате последнего документа, в ноябре 2010 года дело находилось в производстве; не были получены результаты в отношении поиска пропавших или установления личностей виновных. Несколько свидетелей показали, что похитители доставили задержанных к автомобилям УАЗ, припаркованным возле контрольно-пропускного пункта на мосту Жуковский, однако дежурившие на КПП военнослужащие не были установлены и допрошены.

22. 18 ноября 2002 года г-жа Баршова была признана потерпевшей по делу. После этого она была допрошена несколько раз. Белкис Шидаева была допрошена и признана потерпевшей по делу 28 июля 2003 года.

23. Ахмед Шидаев был допрошен 30 мая 2003 года и 23 мая 2005 года. Он показал, что содержался вместе с тремя исчезнувшими мужчинами. Он дал подробные описания фактов его задержания, избияния, допросов и освобождения с базы, предположительно принадлежавшей военным. Он указывал, что на похитителях был черный камуфляж, у них был автомобиль УАЗ и что раздавались звуки вертолета, который взлетал и садился над "ямой", в которой он сидел. 30 июля 2003 года его признали потерпевшим по уголовному делу. Отвечая на вопросы в сентябре 2009 года, он пояснил, что после освобождения побоялся обращаться за медицинской помощью, но в течение некоторого времени после избияния он страдал от острой боли в груди и имел трудности с дыханием. Очевидно, что никакие дальнейшие шаги не были предприняты, для того чтобы подтвердить его жалобы на жестокое обращение, такие, например, как проведение судебно-медицинской экспертизы или медицинское обследование.

24. Следователи получили в основном отрицательные ответы на свои запросы о предоставлении информации о задержанных. Различные государственные органы, в том числе Министерство внутренних дел и Федеральная служба безопасности ("ФСБ"), отрицали наличие каких-либо сведений о происшествии, о судьбе исчезнувших мужчин или любой другой информации об их причастности к преступной деятельности. В материалах дела содержится рукописный документ, датированный июнем 2005 года, под названием "Отчет", составленный сотрудником Ленинского РОВД старшим лейтенантом Х. В отчете утверждалось, без дальнейших ссылок, что братья Баршovy были членами незаконного вооруженного формирования под командованием «эмира Мурава Ю.», действовавшего в Ленинском районе. Далее перечислялись десять других мужчин-участников той же группы, некоторые из которых были убиты и другие находились в розыске. Согласно отчету, осенью 2004 года братья Баршovy приняли участие в тайном захоронении эмира Ю., после чего они были похищены неустановленными военнослужащими.

25. Другой рукописный документ без даты с названием "Объяснение" был подписан М.Ч., одним из мужчин, перечисленных в документе «Отчет». Согласно тексту, в какой-то момент в 2002 году М.Ч. и "Сулумбек"

[Баршов], следуя приказу Мурада Ю., заложили самодельное взрывное устройство рядом с контрольно-пропускным пунктом в Грозном, в результате взрыва были ранены трое военнослужащих. Далее в документах указывалось, что преступления, совершенные этой группой, стали предметом отдельного расследования, в 2009 году некоторые доказательства были признаны неприемлемыми и расследование приостановлено. Сулумбеку Баршову никогда официально не было предъявлено обвинение, и он не подозревался в совершении какого-либо уголовного деяния.

26. Из протоколов следует, что свидетели и Ахмед Шидаев были допрошены об их возможной связи с Мурадом Ю. По заявлению сестры Ахмеда Шидаева в суде в июне 2010 года, другой их брат Магомед Шидаев был среди боевиков, захвативших театр «Норд-Ост» в Москве в октябре 2002 года, и был убит там.

27. В июне 2006 года заявительница Лариса Баршова представлена следователям написанную от руки записку, якобы переданную ей человеком, который был освобожден из тюрьмы и который опознал ее сына Анзор Баршова по фотографии. Следствие не нашло этого человека. В записке говорилось, что Анзор Баршов был обвинен в незаконном обращении с взрывчатыми веществами и переводился в разные тюрьмы Южного федерального округа в период с декабря 2002 по декабрь 2003 года. В настоящей записке также указаны имена и должности двух сотрудников ФСБ, которые предположительно вели расследование. Очевидно, что в связи с этим не было сделано никаких результативных выводов: два сотрудника ФСБ не были установлены и в центрах содержания под стражей отрицали наличие имен Анзора Баршова или других исчезнувших мужчин в своих записях.

28. В ходе рассмотрения жалобы, поданной г-жой Баршовой по статье 125 Уголовно-процессуального кодекса, 7 ноября 2006 года Ленинский районный суд города Грозный постановил возобновить приостановленные расследования, он также раскритиковал бездействие следственных органов за предыдущий период. Суд оставил в силе отказ прокуратуры предоставить заявительнице полный доступ к материалам уголовного дела, поскольку расследование не было завершено. 7 февраля 2007 года Верховный суд Чечни одобрил это решение, он также поручил прокурору выдать заявительнице копии процессуальных документов, требуемых ею.

29. 16 октября 2008 года прокурор Ленинского района критически оценил ход расследования, признал его неэффективным и приказал возобновить.

30. 7 мая 2010 года в ходе рассмотрения жалобы Белкис Шидаевой Ленинский районный суд Грозного отменил постановление о приостановлении расследования от 20 ноября 2008 года. Суд установил, что следователю не удалось провести тщательное расследование.

С. Жалоба №50184/07, Малика Амхадова и другие против России

1. Похищение Аюба Темерсултанова

31. Между 7 и 8 часами утра 1 июля 2004 года от пятнадцати до двадцати человек, вооруженных автоматами, в камуфляжной форме и масках, ворвались в квартиру заявителей в Грозном. Некоторые из них были экипированы металлическими щитами для защиты своих тел и металлическими сферическими шлемам, характерными для полицейского спецназа. Они говорили на русском языке и общались по рации с кем-то из команды. Они обыскали квартиру заявителей и соседние квартиры, проверили документы жильцов и избили заявителя. Они надели на головы Аюба Темерсултанова и двух других мужчин полиэтиленовые пакеты или их собственную одежду и повели их к колонне из шести автомобилей, в которой были белая «Волга», «Нива», «Газель» и три серых автомобилей УАЗ, все машины без номерных знаков. Колонна прошла, по меньшей мере, через два контрольно-пропускных пункта. В тот же день два родственника заявителей, которые были задержаны вместе с Аюбом Темерсултановым, были освобождены в Грозненском районе в непосредственной близости от военной базы в Ханкале. Они дали подробные показания о том, что их везли с завязанными глазами в неизвестное место около одного часа и там обоих допрашивали об их родственниках.

32. Заявители представили шесть свидетельских показаний, сделанных в 2006 году лично ими, их соседями и родственниками, которые были очевидцами произошедшего.

2. Официальное расследование

33. Расследование по факту похищения было возбуждено в Ленинской районной прокуратуре города Грозный 9 августа 2004 года, хотя ряд следственных мер уже был предпринят в июле 2004 года. Дело приостанавливалось и возобновлялось несколько раз без каких-либо видимых результатов. Правительство представило семьдесят пять страниц копий документов из материалов дела. Второй заявитель был признан потерпевшим 10 августа 2004 года. Свидетели утверждают, что некоторые транспортные средства (в том числе «Газель» и УАЗ) были бронированы и что похищение произошло в поле зрения дежуривших на контрольно-пропускном пункте военнослужащих. Двое мужчин, которые были увезены, а затем освобождены, были допрошены в августе и октябре 2004 года. Один из них показал, что его допрашивали о террористическом акте 9 мая 2004 года в Грозном. Последние документы, представленные Правительством, относятся к октябрю 2007 года, когда расследование было завершено. Заявители обращались с жалобами в прокуратуры, но не в суд.

Д. Жалоба №332/08, Сагаипова и другие против России

1. Похищение Аюба Налбиева, Бадрудина Абазова и Рамзана Тенсаева

34. Между полночью и 3 часами утра 22 февраля 2003 года примерно десять человек в камуфляжной форме, масках, вооруженных автоматами, ворвались в три дома в поселке Дачу-Борзой Грозненского района. Люди говорили на русском и общались с командиром по рации. Они использовали несколько БТР и УАЗ. Они избили Аюба Налбиева, Бадрудина Абазова, Рамзана Тепсаева и некоторые заявителей; надели на головы задержанных их собственную одежду и увели из домов. Всех задержанных забрали в нижнем белье и босиком. Заявители утверждали, что видели на следующий день следы от бронетранспортера на снегу по дороге через мост села Дуба-Юрт, и вели в сторону военной базы и постоянного военного блокпоста, расположенного на мосту через реку Аргунь между селами Дачу-Борзой и Дуба-Юрт.

35. Трое заявителей представили Суду свидетельские показания, сделанных в 2007 году, где описали похитителей и их попытки найти своих родственников.

2. Официальное расследование

36. 12 марта 2003 в прокуратуре Грозненского района возбудили уголовное дело по факту похищения трех человек. Правительство представило 422 страницы из материалов этого дела. Документы содержат многочисленные указания на военную технику и причастность военнослужащих к похищению, однако, расследование не было передано в военную прокуратуру.

37. В феврале 2003 года глава администрации села Дачу-Борзой подтвердил показания заявителей об обстоятельствах похищения. В своем заявлении он также утверждал, что в том же году сотрудник ФСБ показал ему список разыскиваемых лиц, где были указаны также имена трех задержанных. По всей видимости, личность этого сотрудника никогда не устанавливалась, и его не допрашивали. Другие свидетельские показания, содержащиеся в материалах дела, были даны заявителями и их родственниками.

38. Место происшествия было осмотрено 26 февраля 2003 года. В марте 2003 года члены семей исчезнувших мужчин были признаны потерпевшими по делу. 17 мая 2007 года представитель заявителей получил доступ к материалам уголовного дела. К тому времени расследование приостанавливалось и возобновлялось несколько раз.

39. Судя по ответам, полученным от Министерства внутренних дел и военной прокуратуры, сотрудничество этих структур было минимальным: большинство ответов содержали стандартные фразы об отсутствии информации, имеющей отношение к делу.

40. По крайней мере, в двух случаях в 2003 году ход расследования обсуждался на рабочих совещаниях, проводимых заместителем прокурора Грозненского района, совместно с полицией и военным командованием. В протоколах этих совещаний содержатся ссылки на отсутствие

сотрудничества между военными и Министерством внутренних дел в ходе расследования, и, в частности, на отсутствие информации о возможной принадлежности пяти БТРов и автомобиля УАЗ.

41. 23 марта 2007 года из центрального архива Министерства внутренних дел следователям сообщили следующее:

«Все документы, поступившие в Центральный архив внутренних войск МВД России от воинских формирований, выполнявших задачи по наведению конституционного порядка и ликвидации ЮДА на территории Чеченской Республики, в соответствии с Законом РФ от 21 июля 1993 года №5485-1 «О государственной тайне», Указа Президента РФ от 30 ноября 1995 года №1203 «об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», приказа МВД РФ от 2 марта 2002 года №200 дсп, отнесены к сведениям, содержащим государственную тайну, и имеют степень секретности.

В соответствии с требованиями ст. 30 Федерального закона от 6 февраля 1997 года №27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел РФ» распространение сведений о местах дислокации или о передислокации воинских частей внутренних войск, а также о выполнении служебно-боевых задач воинскими частями и подразделениями внутренних войск, принимавшими участие в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований, не допускается.

Информация о служебно-боевой деятельности войсковых частей (подразделений) внутренних войск может предоставляться только с разрешения соответствующего командира в порядке, определяемом Министром внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии со ст. 16 Закона РФ от 21 июля 1993 года №5485-1 «О государственной тайне», данные сведения не могут быть переданы без санкции органа государственной власти, в распоряжении которого находится архив. Для разрешения сложившейся ситуации вам целесообразно обратиться в МВД России для принятия решения о передаче документов (сведений), составляющих государственную тайну. После получения санкции их МВД России передача документов (сведений) из Центрального архива внутренних дел в ваш адрес будет произведена».

42. Следствие по делу было приостановлено в 2007 году. Правительство утверждало, что оно находится в производстве.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Уголовный кодекс Российской Федерации от 1996 года

43. Статья 105 УК РФ от 1996 года гласит, что убийство наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в случае совершения организованной группой лиц, наказывается лишением свободы, в том числе пожизненным, или смертной казнью.

44. Согласно Статье 126, похищение наказывается лишением свободы сроком до восьми лет. Похищение при отягчающих обстоятельствах, совершенное, например, группой лиц с применением оружия, наказывается лишением свободы сроком до пятнадцати лет.

45. Статья 78 предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения тяжкого

преступления истекло десять лет (карается тюремным сроком до десяти лет лишения свободы) и если истекло пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления (карается тюремным сроком до десяти лет лишения свободы). Сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. Течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. Вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. К лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются.

В. Уголовно-процессуальный кодекс

46. До 1 июля 2002 года действовал Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УПК РСФСР) 1960 года, согласно которому органы в пределах своей компетенции обязаны возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела должно быть принято в срок не более трех суток после получения заявления или сообщения о преступлении (Статьи 3, 108 и 109).

47. С 1 июля 2002 года вместо старого УПК РСФСР стал действовать новый УПК Российской Федерации.

48. Новый УПК устанавливает, что уголовное дело может быть возбуждено следователем или прокурором по индивидуальной жалобе или по инициативе следственных органов при наличии повода или основания полагать, что было совершено преступление (Статьи 146 и 147). Компетентные органы обязаны принять решение о возбуждении уголовного дела в срок не позднее 3 суток со дня поступления сообщения о преступлении, и этот период может быть продлен от десяти до тридцати дней с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (Статья 144).

49. Статья 42 УПК определяет процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу и перечисляет его права и обязательства. Она предусматривает, что потерпевший может ознакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела. Статья 42 гласит, что потерпевшим может получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу. Копии процессуальных постановлений должны быть направлены потерпевшему. Потерпевший имеет право ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта (в случаях, предусмотренных Статьей 198).

50. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять надзор за предварительным следствием (Статья 37). Он или она могут назначать проведение конкретных следственных действий, передавать дело от одного следователя другому или назначать дополнительное расследование. Если нет оснований для возбуждения уголовного дела, следователь выдает мотивированное решение по этому вопросу, которое должно быть передано заинтересованной стороне.

51. Статья 125 УПК устанавливает судебный порядок рассмотрения жалоб. Постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд, который имеет право провести проверку законности и оснований названных постановлений.

52. Статья 151 предусматривает, что следователи Следственного комитета (с 2007 года) несут ответственность за расследование серьезных преступлений, включая убийства и похищения.

53. Статья 161 § 1 запрещает разглашение данных предварительного следствия. Данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком разглашение не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не противоречит интересам предварительного расследования (Статья 161 § 3).

С. Гражданский кодекс Российской Федерации

54. Статья 1069 Гражданского Кодекса Российской Федерации (соответствующая часть принята в 1995 году) устанавливает, что вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению. Ущерб возмещается за счет федерального или регионального бюджета.

55. Статья 1070 предусматривает, что вред, причиненный незаконным арестом, уголовным преследованием и наказанием, должен быть возмещен государством независимо от вины вовлеченных в это государственных органов или их должностных лиц по основаниям и в порядке, предусмотренном в Статье 1069.

56. Статьи 151 и 1099-1101 Гражданского Кодекса предусматривают компенсацию за моральный вред. Статья 1099, в частности, гласит, что моральный вред должен быть возмещен независимо от возмещения материального вреда.

Д. Законодательство, касающееся конфиденциальности антитеррористических мер

57. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. (Закон №130-ФЗ) «О борьбе с терроризмом», который 1 января 2007 года сменил Закон «О противодействии терроризму» (Закон №35-АР), устанавливает основные принципы противодействия терроризму. В Статье 2 Закона «О борьбе с терроризмом» говорилось *среди прочего*, о конфиденциальности сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников. Статья 2(10) нового Закона «О противодействии терроризму» содержит аналогичное положение.

58. 1 августа 2011 года Следственный комитет РФ издал приказ №113, в котором подробно описана процедура получения сведений о лицах, принимавших участие в контртеррористических операциях. Любые запросы подобной информации должны содержать причины, по которым информация должна быть раскрыта, и должны быть санкционированы заместителем начальника Следственного комитета. Уголовные дела, содержащие такую информацию, должны рассматриваться как секретные.

59. Федеральный закон о Федеральной службе безопасности (Закон №40-ФЗ) от 3 апреля 1995 года, с последующими изменениями и дополнениями, устанавливает, что персональные данные сотрудников и лиц, сотрудничающих с ФСБ, следует хранить в центральном архиве. По состоянию на 2008 год, такая информация могла быть раскрыта только в соответствии с федеральным законом или по специальному указанию руководителя соответствующего регионального отделения службы безопасности.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ОТНОШЕНИИ ВОПРОСА О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ИСЧЕЗНОВЕНИЯХ

А. Международное право и правоприменительная практика.

60. Парламентская ассамблея Совета Европы в своей Резолюции 1463 (2005) «О насильственных исчезновениях» указала на следующие моменты, которые важны для использования международных инструментов в этой области:

«Определение насильственных исчезновений.... не должно содержать субъективного элемента, который было бы слишком сложно доказать на практике. Трудности, неминуемо присущие доказательству насильственного исчезновения, можно было бы преодолеть, заставив соответствующих государственных чиновников, несущих ответственность за исчезновения, доказывать свою невиновность.

10.2. члены семьи исчезнувших лиц должны рассматриваться как независимые жертвы насильственных исчезновений и пользоваться «правом на истину», т.е. правом получать информацию о судьбе своих родственников;

10.3. в данном документе должны предусматриваться следующие гарантии от безнаказанности:

10.3.1. обязательство государств включить в свои национальные уголовные кодексы указание преступления насильственных исчезновений и предусмотреть соответствующее наказание;

10.3.2. распространение принципа универсальной юрисдикции на все случаи насильственных исчезновений;

10.3.3. признание насильственных исчезновений в качестве продолжающегося преступления до тех пор, пока лица, виновные в совершении этого преступления, продолжают скрывать информацию о судьбе исчезнувшего лица, а связанные с этим факты остаются нераскрытыми; соответственно, к насильственным исчезновениям неприменимы положения закона об истечении срока давности;

10.3.4. разъяснение того, что никакой приказ вышестоящего начальства или указание какого-либо государственного органа не может рассматриваться в качестве аргумента, оправдывающего акты насильственного исчезновения;

10.3.5. нераспространение на лиц, виновных в насильственных исчезновениях, любых амнистий или аналогичных мер и лишение их всех привилегий, иммунитетов или специальных изъятий из обвинения;

10.3.6. проведение судебных разбирательств в отношении лиц, виновных в насильственных исчезновениях, лишь в судах общей юрисдикции, а не в военных трибуналах;

10.3.8. непроведение эффективного расследования любых сообщений о насильственных исчезновениях должно рассматриваться как самостоятельное преступление, влекущее надлежащее наказание. Министр и/или руководитель ведомства, отвечающего за расследования, должен нести уголовную ответственность за непроведение указанного расследования».

61. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, принятая 20 декабря 2006 года ООН, вступила в силу в декабре 2010 года. Статья 2 Конвенции определяет «насильственные исчезновения» следующим образом:

«Насильственным исчезновением считается арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона».

ООН предписывает всем государствам обязательство способствовать прояснению обстоятельств насильственного исчезновения или

установлению личности исполнителей акта насильственного исчезновения (см. Статью 6 Конвенции); а также квалифицировать исчезновение в качестве правонарушения в его уголовном праве и принимать меры для наказания с учетом его серьезности (см. Статьи 4 и 7). Срок давности за такие преступления должен быть продолжительным и должен исчисляться с того момента, когда преступление насильственного исчезновения становится окончательным, с учетом его длящегося характера (см. Статью 8). Конвенция также устанавливает право родственников жертв знать правду и получить компенсацию (см. Статью 24).

62. Статья 5 Конвенции ООН и Статья 7 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года определяют широко распространенную или систематическую практику насильственных исчезновений как преступление против человечности.

63. Российская Федерация подписала Римский статут, но не подписала Конвенцию ООН, и не ратифицировала ни один из названных документов.

64. Международные правозащитные структуры, например, Комитет по правам человека ООН и Межамериканский суд по правам человека, рассматривают насильственные исчезновения, как сочетание нескольких нарушений охраняемых прав. Они часто влекут за собой нарушение как материальных, так и процессуальных аспектов права на жизнь, нарушение права родственников на свободу от унижающего достоинство обращения из-за длящихся страданий, вызванных отсутствием известий о судьбе своих близких, а также нарушение прав похищенных лиц на свободу и безопасность. Краткое изложение этих принципов, подчеркивающих прочную связь ряда нарушений, о которых идет речь, можно найти в постановлении Варнава и другие против Турции (*Varnava and Others v. Turkey* [GC], №№16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, §§ 93-107, ECHR 2009-).

В. Сравнение правовой базы, представленной ранее в постановлениях Суда

65. Суд уже рассмотрел жалобы на насильственные исчезновения и отказ в проведении расследования в отношении других государств-ответчиков. В постановлениях по этим жалобам обобщены внутренние правовые и практические механизмы, направленные на решение этих проблем.

66. Таким образом, суд имел дело с "примерами насильственных исчезновений", имевшими место главным образом в период с 1992 по 1996 годы в Юго-Восточной Турции (см., среди прочего, *Osmanoğlu v. Turkey*, №48804/99, 24 января 2008; *Akdeniz v. Turkey*, №25165/94, 31 мая 2005; *İpek v. Turkey*, № 25760/94, ECHR 2004-II (выдержки); *Akdeniz and Others v. Turkey*, № 23954/94, 31 мая 2001; *Taş v. Turkey*, № 24396/94, 14 ноября 2000; *Timurtaş v. Turkey*, №23531/94, ECHR 2000-VI; *Ertak v. Turkey*, № 20764/92, ECHR 2000-V; и *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, ECHR 1999-IV). В постановлении по делу *İpek*, в частности, охарактеризованы

соответствующие национальные законодательные рамки, в том числе о проведении уголовных расследований, и границы гражданско-правовой ответственности агентов государства за материальный и моральный ущерб, причиненный их действиями, а также детали антитеррористического законодательства и распределения ответственности в отношении преступлений, предположительно совершенных спецслужбами (см. §§ 92-106).

67. В результате Кипрского конфликта пропало без вести большое число людей в 1960-х и 1974 годах. Данный вопрос следует рассматривать в условиях весьма длительного исторического развития. Соответствующие выводы можно найти в постановлениях *Cyprus v. Turkey* ([GC] № 25781/94, ECHR 2001-IV) и *Varnava and Others v. Turkey* (цит. выше). Как видно из этих постановлений, изначально предпринимались попытки создать механизм для борьбы с проблемой исчезновения. В 1981 году Комитет по пропавшим без вести лицам на Кипре (КПЛ) был создан под эгидой Организации Объединенных Наций. Фактически работа по делам началась в 1984 году, и некоторые следственные действия были проведены в последующие годы. С 2004 года КПЛ организовал работу по обнаружению, эксгумации и идентификации останков (см. дело *Varnava and Others v. Turkey* (цит. выше) § 168). Более 230 тел пропавших без вести в настоящее время эксгумированы, опознаны и переданы их родственникам. Уголовные расследования по названным делам еще не завершены.

68. Список законодательных и практических мер, направленных на разрешение проблемы исчезновений и военных преступлений в Боснии и Герцеговине можно найти в постановлении по делу *Palić v. Bosnia and Herzegovina* (no. 4704/04, §§ 7, 8, 36-40, 15 февраля 2011)

«Хотя и верно то, что национальными властями осуществлен некоторый прогресс за первые годы после войны, с тех пор они прилагали значительные усилия, чтобы найти и установить личности пропавших без вести в результате войны и чтобы бороться с безнаказанностью. Во-первых, Босния и Герцеговина провела комплексную проверку благонадежности назначенных сотрудников полиции и судебных органов... Во-вторых, в соответствии с Законом пропавших без вести 2004 года (пункт 40 постановления) был создан национальный Институт поиска пропавших. В настоящее время им проведено значительное количество эксгумаций и идентификаций останков, например, за семь месяцев 2009 года сотрудники Института поиска пропавших без вести установили личности 883 человек. В-третьих, в 2002 году создан суд Боснии и Герцеговины и в 2005 году создан суд по военным преступлениям. Это дало новый толчок для внутригосударственного уголовного преследования за военные преступления. Этим судом к настоящему времени осуждено более 40 человек. Кроме того, количество обвинительных приговоров региональных судов, сохраняющих юрисдикцию, значительно возросло. В-четвертых, в декабре 2008 года местные власти разработали Национальную стратегию в отношении военных преступлений, которая обеспечивает системный подход к разрешению большого количества дел о военных преступлениях. Она определяет сроки, силу, критерии и механизмы управления по этим случаям, стандартизирует судебную практику, вопросы регионального сотрудничества, защиты жертв и помощи свидетелям, в том числе финансовые аспекты, в также надзор за реализацией стратегии... Наконец, национальные власти способствовали успешной работе международных органов,

противоборствующих исчезновениям и служащим для разрешения других серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенных в Боснии и Герцеговине».

IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ДОКЛАДЫ, КАСАЮЩИЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ

А. Доклады международных межправительственных и некоммерческих организаций

1. Документы Комитета Министров Совета Европы

69. Согласно меморандуму СМ/Inf/DH(2010)26Е от 27 мая 2010 года, озаглавленному «Действия сил безопасности в Чеченской Республике: общие меры по выполнению решений Европейского Суда по правам человека», при Следственном Комитете Чеченской Республике была создана специальная следственная группа по расследованию уголовных дел, ставших предметом рассмотрения в Европейском Суде. Согласно меморандуму Правительства России, предоставленному в марте 2011 года (DH-DD(2011)130Е), из 136 жалоб, которые входят в так называемый список "группы Хашиева" ("*Khashiyev group*") и по которым было признано нарушение основных прав человека на Северном Кавказе, только в двух случаях уголовные дела были завершены (одно дело прекращено по причине смерти подозреваемого). Остальные дела находятся в процессе судопроизводства, большинство из них были приостановлены в связи с неустановлением личностей виновных.

70. Промежуточная Резолюция СМ/ResDH(2011)292 от 2 декабря 2011 года «Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека по 154 делам против Российской Федерации относительно действий сил безопасности в Чеченской Республике Российской Федерации» гласит:

«2. Розыск исчезнувших лиц

Учитывая, что во всех постановлениях, касающихся исчезновений, Суд также пришел к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в связи со страданиями заявителей в результате исчезновения их родственников и отсутствием у них возможности узнать, что с ними случилось;

Отмечая меры, направленные на усовершенствование нормативно-правового регулирования розыска исчезнувших лиц в целом⁴ и на повышение эффективности розыска таких лиц в Чеченской Республике, в частности, путем использования ДНК-тестов родственников исчезнувших лиц;

Однако с особой обеспокоенностью отмечая, что пока в этом отношении не достигнуто значительного прогресса, и новые жалобы, касающиеся исчезновений, продолжают поступать в Суд;

Полагая, что многочисленные исчезновения, имевшие место в Чеченской Республике, представляют собой особенную ситуацию, которая требует применения дополнительных методов и средств;

Подчеркивая в этом отношении необходимость усилить меры по розыску исчезнувших лиц, в частности, путем налаживания координации между различными компетентными органами, сбора, централизации и обмена всей

информацией и данными, касающимися исчезновений, между различными компетентными органами, укрепления местных судебно-экспертных учреждений, усиления взаимодействия с родственниками исчезнувших лиц, установления возможных мест захоронения и других практических мер;

Подчеркивая, что необходимость принятия указанных мер особенно актуальна в делах, в которых неустановление местонахождения и судьбы исчезнувшего лица приводит к дрящемуся нарушению Конвенции;...

Подчеркивая необходимость дальнейших усилий по обеспечению тесного взаимодействия с семьями потерпевших и дальнейшего улучшения нормативно-правового регулирования участия потерпевших в расследованиях на национальном уровне;...

ПРИЗЫВАЕТ российские власти предпринимать больше усилий для проведения независимых и тщательных расследований всех нарушений, установленных в постановлениях Суда, в частности, обеспечить, чтобы следственные органы в полной мере использовали все доступные им полномочия и средства, и гарантировать эффективное и безусловное взаимодействие между всеми правоохранительными и военными органами в ходе таких расследований.

НАСТОЯТЕЛЬНО ПРИЗЫВАЕТ российские власти незамедлительно предпринять все необходимые меры для усиления розыска исчезнувших лиц.

ПРИЗЫВАЕТ российские власти продолжать предпринимать усилия для обеспечения участия потерпевших в расследованиях и повышать эффективность доступных им в соответствии с национальным законодательством средств правовой защиты.

ПРИЗЫВАЕТ российские власти предпринять все необходимые меры для того, чтобы сроки давности не оказывали негативного влияния на исполнение постановлений Суда».

2. Доклады других структур Совета Европы

71. Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) опубликовали три публичных заявления в отношении ситуации в Чечне в период с 2001 по 2007 годы, выражая сожаление по поводу отсутствия сотрудничества в ходе расследования предполагаемых нарушений. В публичном заявлении от 13 марта 2007 года ЕКПП признал, что "похищения (насильственные исчезновения) и связанная с этим проблема незаконного содержания под стражей... по-прежнему остается тревожным явлением в Чеченской Республике".

72. 4 июня 2010 года Комитета ПАСЕ по правовым вопросам и правам человека представил доклад "О средствах правовой защиты в отношении нарушений прав человека на Северном Кавказе". На основе этого доклада была принята Резолюция №1738 и Рекомендация №1992, где выражается сожаление в связи с отсутствием эффективного расследования и судебного преследования за серьезные нарушения прав человека в регионе, в том числе за исчезновения. В документах говорится, что "боль близких тысяч пропавших без вести в регионе и их неспособность перешагнуть через свою скорбь составляют основное препятствие для подлинного примирения и прочного мира". Среди прочего в резолюции содержится призыв к российским властям:

«13.1.2. привлекать к суду в соответствии с законом всех нарушителей прав человека, в том числе сотрудников правоохранительных органов, и раскрыть многочисленные оставшиеся безнаказанными преступления, в частности преступления против видных деятелей, перечисленных выше (п. 10);

13.1.3. создать необходимые условия, обеспечивающие жертвам нарушений прав человека доступ к правосудию и возможность свободно воспользоваться своими правами на эффективную правовую защиту в судебном органе и на адекватную защиту;

13.1.4. активизировать сотрудничество с Советом Европы в исполнении решений Европейского суда по правам человека, особенно, когда эти решения касаются исполнения мер индивидуального характера, направленных на раскрытие преступлений, в частности похищений, убийств и пыток, по которым Суд констатировал отсутствие надлежащего расследования;

13.1.5. следовать примеру других стран, столкнувшихся с терроризмом, особенно в том, что касается применения мер, способствующих сотрудничеству подозреваемых с органами правосудия для нейтрализации террористических сетей и преступных образований в органах правопорядка, а также для предотвращения новых актов насилия, а также принимать необходимые меры общего характера для недопущения такого рода нарушений в будущем;

13.1.6. более тесно сотрудничать с работающими на местах правозащитными организациями и со структурами гражданского общества в целом, а также эффективно защищать их сотрудников от возможных репрессий;

13.1.7. реализовать предложения Международного комитета Красного Креста, направленные на решение, насколько это возможно, серьезной проблемы пропавших без вести, и создать благоприятные условия для возобновления посещения представителями МККК лиц, арестованных и содержащихся под стражей в связи с ситуацией в Северокавказском регионе;

...

13.2. обе палаты российского парламента уделять самое пристальное внимание ситуации на Северном Кавказе, требовать от органов исполнительной и судебной власти исчерпывающие объяснения по поводу сбоев, наблюдаемых в регионе и упомянутых в настоящей резолюции, а также требовать применения необходимых мер»

В рекомендации №1922 ПАСЕ призывает Комитет Министров:

2.1. уделять самое пристальное внимание развитию ситуации с правами человека на Северном Кавказе;

2.2. при обеспечении исполнения решений Европейского суда по правам человека, касающихся этого региона, делать упор на скорейшее и полное раскрытие дел, по которым Суд констатировал отсутствие эффективного расследования».

73. В резолюции №1787(2011), озаглавленной «Исполнение решений Европейского суда по правам человека», ПАСЕ считает, что смерти и жестокое обращение со стороны сотрудников российских правоохранительных органов в условиях непроведение эффективного расследования являются одним из четырех «значительных системных недостатков, который представляет собой причину большого числа неоднократных фактов нарушения Конвенции и серьезно подрывает принцип верховенства права в России».

74. Томас Хаммарберг Комиссар по правам человека Совета Европы по итогам визита в Россию с 12 по 21 мая 2011 года опубликовал доклад от 6 сентября 2011 года¹, в котором указал на ряд позитивных изменений, направленных на улучшение повседневной жизни в тех республиках, где он побывал. Несмотря на эти позитивные шаги, комиссар назвал в числе самых серьезных проблем контртеррористические меры, похищения, исчезновения людей и жестокое обращение, борьбу с безнаказанностью и положение правозащитников. В докладе содержатся наблюдения комиссара и рекомендации по перечисленным проблемам.

75. В частности, Комиссар крайне обеспокоен поступающими заявлениями и иной информацией об имеющихся на Северном Кавказе местах похищений, исчезновениях людей и случаях жестокого обращения с лицами, лишенными свободы. Несмотря на то, что за последние несколько месяцев в Чечне произошло сокращение числа похищений и исчезновений (по сравнению с 2009 г.), ситуация по-прежнему остается весьма напряженной. Указывая на то, что такие трагедии, как исчезновение, имеют далеко идущие последствия и отрицательно влияют на общество в целом, он поддерживает предложение Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека о создании межведомственной комиссии по установлению местонахождения похищенных и без вести пропавших в ходе проведения контртеррористических операций на Северном Кавказе. Комиссар подчеркивает важность систематического практического применения правил, запрещающих работникам правоохранительных органов ношение масок и нестандартной формы без знаков отличия, а также использование автомобилей без номерных знаков в ходе следственных действий.

76. Комиссар также указал на то, что безнаказанность серьезных преступлений является одной из самых трудноразрешимых проблем в области защиты прав человека на Северном Кавказе и продолжает вызывать значительное беспокойство. Разумеется, существуют и некоторые положительные сдвиги, в том числе создание соответствующих структур Следственного комитета, поощрение участия потерпевших в уголовном судопроизводстве и вступление в силу различных нормативно-правовых актов. Несмотря на указанные меры системного, законодательного и регулятивного порядка, сведения, собранные в ходе визита, убеждают Комиссара в том, что в действительности ситуация по сравнению с сентябрем 2009 года изменилась незначительно. Комиссар считает отсутствие решимости одним из главных препятствий для привлечения виновных к ответственности в тех случаях, когда к совершению преступления предположительно причастен кто-либо из государственных служащих. В этой связи особую значимость приобретает необходимость однозначного заявления со стороны российского руководства о недопустимости безнаказанности за преступления.

3. Доклад Международного Комитета Красного Креста (МКК)

¹ См. <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1851551>

77. В августе 2009 года Международный Комитет Красного Креста (МККК) опубликовал доклад «Семьи лиц, пропавших без вести, и их потребности»². Более ста семей были опрошены сотрудниками МККК на Северном Кавказе. В основном случаи похищений произошли в период с 2000 по 2004 годы. В докладе говорится:

«В целом, семьи не способны нормально жить, не вспоминая постоянно о пропавшем без вести родственнике. Многие ограждают себя от общества, игнорируя собственные нужды и потребности своих детей (например, в некоторых семьях не позволяется отмечать дни рождения детей) и сосредотачиваются исключительно на розыске родных и близких. Таким образом, эти люди, часто ощущающие вину, если они делают что-то просто для себя, оказываются в социальной и физической изоляции».

В докладе также указывается на то, что большинство опрошенных семей (90%) обратились в местные органы прокуратуры с заявлением о возбуждении уголовного дела об исчезновении своих родственников, но большинство открытых дел позднее было приостановлено в силу того, что следствие не располагало достаточной информацией. Тот факт, что семьи не могут получить ответы на свои вопросы, вызывает у них чувство безнадежности. В докладе подчеркивается то, насколько важно людям найти тела родственников и совершить погребальные обряды, так как большинство семей не готовы примириться с мыслью о смерти до тех пор, пока им не возвращено тело погибшего. МККК пришел к выводу, что семьи лиц, пропавших без вести, справляются со своим трудным положением молча, они переживают свою трагедию в одиночку или внутри своей семьи. МККК дал ряд рекомендаций властям России. В частности, необходимо создать государственную комиссию высокого уровня по делам лиц, пропавших без вести, либо изменить полномочия существующей структуры так, чтобы охватить всех без вести пропавших, как военнослужащих, так и гражданских лиц, в целях выяснения их судьбы. Комиссия должна быть прозрачным и вызывающим доверие органом с четким гуманитарным мандатом, не зависящим от судебных органов. Семьи должны иметь возможность обращаться в комиссию. Власти должны сотрудничать с семьями на протяжении всего процесса, чтобы завоевать их доверие и информировать их о функционировании существующих структур, временных рамках, шансах на успех. МККК также указал на то, что Россия должна принять в рамках своего национального законодательства и правоприменительной практики целый ряд мер, направленных на предотвращение исчезновений людей во время вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, а также на защиту прав лиц, пропавших без вести и их семей. В докладе содержится ряд других подробных рекомендаций по улучшению психологической, социально-экономической и правовой поддержки таких семей.

4. Доклады некоммерческих организаций

78. В сентябре 2009 года организация Human Rights Watch (HRW) опубликовала доклад под названием «Кто мне скажет, что случилось с моим

² http://www.icrc.org/rus/assets/files/publications/fnaq_public_version_rus.pdf

сыном? Исполнение Россией решений Европейского суда по жалобам заявителей из Чечни»³, в котором было подвергнуто резкой критике отсутствие прогресса в расследовании дел об исчезновениях.

79. В апреле 2011 года HRW совместно с Межрегиональным Комитетом против пыток и ПЦ «Мемориал» опубликовали совместное открытое письмо к президенту России. Они заявили о «полном провале следственных органов Чечни в борьбе с похищениями жителей местными правоохранительными и силовыми структурами», о «систематическом саботаже расследования чеченскими правоохранительными органами и неспособности Следственного комитета выполнять свои прямые полномочия по расследованию преступлений».

В. Соответствующие доклады и заявления национальных властей

80. Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике г-н Нухажиев на протяжении многих лет выпускает доклады об исчезновениях. В его специальном докладе от 16 апреля 2009 года⁴ говорится:

«Проблема установления местонахождения похищенных и пропавших без вести граждан... становится темой моего третьего специального доклада. С первым специальным докладом «Проблемы бесследного исчезновения людей в Чеченской Республике и поиска механизма установления местонахождения насильственно увезенных и удерживаемых лиц» 20 апреля 2006 года я выступил на заседании обеих палат Парламента Чеченской Республики 1-го созыва. В докладе были проанализированы причины и условия, способствовавшие бесследному исчезновению людей. В частности, было отмечено, что из возбужденных органами прокуратуры республики на то время 1949 уголовных дел по фактам похищения людей, приостановлено за неустановлением лиц, причастных к их совершению, 1679 дел. И это притом, что во многих случаях имеются даты, время задержания и номера блокпостов, номера военной техники, фамилии, имена, отчества и радиопозывные военнослужащих, участвовавших в задержании, наименования подразделений, проводивших спецмероприятия, и т.д.

При очевидной подследственности таких уголовных дел военной прокуратуре они расследуются территориальными прокуратурами (СУ СК при Прокуратуре РФ по ЧР), которые лишены возможности получить должную информацию о лицах, причастных к исчезновению людей, или их допросить....

По данным Прокуратуры Чеченской Республики, с начала контртеррористической операции по фактам похищения жителей республики возбуждено 2027 уголовных дел на 2826 человек. Из них 1873 дела приостановлены за неустановлением лиц, причастных к похищению людей и лишь 74 уголовных дела переданы по подследственности в военную прокуратуру....

Проблема идентификации эксгумированных тел также тесно связана с проблемой установления местонахождения похищенных и пропавших без вести граждан. По данным различных источников в республике до 60 мест массовых

³ <http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/russia0909ruwebwcover.pdf>

⁴

<http://chechenombudsman.ru/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B-%D0%B8-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/specialniy-doklad.html>

захоронений людей, погибших в период двух военных кампаний, в которых ориентировочно может находиться около 3-х тысяч трупов. Кроме того, массовое захоронение есть в г. Моздоке Республики Северная Осетия-Алания... В связи с необходимостью вскрытия мест захоронения людей возникла и проблема, связанная с отсутствием в республике лаборатории по идентификации эксгумированных тел».

Уполномоченный по правам человека, обобщив опыт, рекомендовал сделать следующие шаги для разрешения ситуации: создать специальную межведомственную комиссию для разрешения проблем, связанных с массовым похищением и бесследным исчезновением граждан в Чечне, провести парламентское расследование причин, приведших к массовым и грубым нарушениям прав человека, похищениям граждан и ненадлежащему расследованию уголовных дел по этим преступлениям и привлечь опытных юристов, в том числе из аппарата Уполномоченного по правам человека, создать на территории Чеченской Республики лаборатории по идентификации эксгумированных тел и проработать вопрос о создании генетического банка данных близких родственников похищенных и пропавших без вести граждан, который необходим для сравнительного исследования и идентификации эксгумированных тел. В своем докладе от 30 августа 2011, посвященном Международному дню пропавших без вести, господин Нухажиев заявил, что около 5000 человек исчезли в Чечне во время контртеррористической операции. Он повторил свои рекомендации о создании единого межведомственного органа для решения этой проблемы.

81. Г-н Пашаев, заместитель руководителя следственного управления Следственного Комитета опубликовал статью «Проблемы расследования уголовных дел, ставших предметом рассмотрения в Европейском Суде по правам человека» в Вестнике следственного комитета №2(8) 2010⁵. Он отметил, что «чаще всего раскрываются преступления, совершенные членами незаконных вооруженных формирований». Г-н Пашаев назвал некоторые систематические проблемы в расследовании нераскрытых преступлений, предположительно совершенных военнослужащими: «сложно воссоздать в деталях события 7–9-летней давности, получить описание причастных к похищению лиц, провести их опознание», трудно получить в архивах Минобороны, МВД и ФСБ России секретные сведения, отсутствует единая база данных пропавших без вести лиц; «республиканское бюро судебно-медицинских экспертиз не проводит даже единичные молекулярно-генетические исследования», затруднено расследование преступлений, предположительно совершенных военными, силами неспециализированных следственных органов, но нет правовой базы для разграничения компетенции военных и гражданских следователей; «запросы следователя в силовые структуры не исполняются, конкретные сведения не предоставляются, поручения о допросе военнослужащих также не выполняются. В таких условиях вероятность установления конкретных преступников сводится к нулю», а также нет никаких механизмов возмещения ущерба родственникам в отсутствие выводов из уголовных расследований.

⁵ <http://sledcom.ru/upload/iblock/263/ymh-2s8h-2010.pdf>

82. 24 мая 2010 года прокурор Чеченской Республики г-н Савчин в пресс-службе Главы и Правительстве Чеченской Республике выступил на заседании, посвященном розыску лиц, пропавших без вести. Он заявил, что для решения проблемы расследования военных преступлений нужна политическая воля. Прокурор указал на необходимость создания межведомственной комиссии на федеральном уровне, которая бы занималась поиском без вести пропавших и расследованием преступлений. По мнению Савчина, такая комиссия могла бы определить порядок рассекречивания информации. В отношении конфликта полномочий между военными и гражданскими следователями, Савчин предложил выйти на федеральный уровень с предложением о внесении изменений в действующий уголовно-процессуальный кодекс, «по которому уголовные дела военной прокуратурой могут расследоваться и при наличии оперативной информации о том, что данные преступления совершены военнослужащими».

83. В письме к Министру внутренних дел Чечни (№ 396-201/2-191-10) в августе 2010 года, руководитель следственного управления Следственного Комитета Чечни жаловался, что "оперативное сопровождение по делам [по фактам похищений жителей ЧР] осуществляется ненадлежащим образом, поручения о производстве оперативно-розыскных мер и запросы следователей следственного управления исполняются с нарушением сроков, не в полном объеме, а поступающие ответы в основном носят формальный характер и не содержат запрашиваемых сведений". Он обратился к министру внутренних дел, чтобы привлечь внимание к важности рассматриваемых дел и обеспечить необходимое сотрудничество.

84. В марте 2011 года заместитель прокурора Чечни направил письмо Главе Межрегионального Комитета против пыток г-ну Каляпину. Заместитель прокурора ЧР резко осудил работу следственного управления по делам о похищениях в Чечне:

«Органами следствия своевременно не проводятся неотложные следственные действия, не организовано надлежащее взаимодействие с оперативными службами с целью раскрытия преступлений, ведомственный контроль за расследованием уголовных дел со стороны руководства следственного комитета фактически не осуществляется. <...> Виновные лица, допускающие нарушения закона, неэффективное расследование к установленной ответственности не привлекаются. Имеют место факты укрытия преступлений, связанных с похищениями граждан, непосредственно самими следователями Следственного управления следственного комитета РФ по ЧР. <...> В результате несвоевременного возбуждения уголовных дел, ненаступательности и неактивности расследования, виновные лица скрываются, местонахождение потерпевших не устанавливается».

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

85. На основании Правила 42 § 1 Регламента Суда и виду взаимосвязанных фактических обстоятельств дел и применимого

законодательства, Суд считает, что надлежит объединить жалобы и рассмотреть их совместно.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

86. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делам об исчезновениях еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли подать жалобы в суд или в вышестоящую прокуратуру в связи с действиями или бездействием следственных или иных правоохранительных органов, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Они также могли предъявить гражданский иск в суд и требовать возмещения ущерба, но они не сделали этого.

87. Заявители оспорили это возражение. Ссылаясь на практику Суда, они утверждали, что не были обязаны обращаться с гражданским иском, для того чтобы исчерпать все средства правовой защиты. Они заявили, что уголовное расследование оказалось неэффективным, а их жалобы в связи с этим были безуспешными.

B. Оценка Суда

88. Суду предстоит оценить аргументы сторон в свете положений Конвенции и его прецедентной практики (см. дело *Estamirov and Others v. Russia*, №60272/00, §§ 73-74, 12 октября 2006 года).

89. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей Государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции (см. дело *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 года, и дело *Estamirov and Others v. Russia*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд утверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск в суд. Возражение Правительства в связи с этим отклоняется.

90. В отношении уголовного судопроизводства, предусмотренного российской правовой системой, Суд отмечает, что расследования находятся в ходе рассмотрения. Заявители и Правительство оспаривают вопрос его эффективности.

91. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителей. Поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением основных положений.

III. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

92. Заявители по всем делам утверждали, что, вне разумного сомнения, родственников заявителей похитили военнослужащие. В подтверждение своих жалоб они ссылались на то, что эту версию подтверждают доказательства, имевшиеся в их заявлениях и материалах уголовных дел, которые были раскрыты Правительством. Они утверждали, что по каждому из случаев они представили достаточные при отсутствии опровержения доказательства того, что их родственники были похищены агентами государства, и что существенные факты, лежащие в основе их жалоб, не были оспорены Правительством. В связи с отсутствием каких-либо сведений об их родственниках в течение длительного периода и в виду того, что ситуация непризнаваемого задержания в Чечне представляет собой опасность для жизни, они просили суд считать их родственников погибшими.

93. Правительство в отношении всех дел утверждало, что не было достаточных доказательств, что кто-либо из родственников заявителей был похищен агентами государства или найден мертвым. Оно указало на то, что внутреннее расследование не дало результатов и отсутствуют официальные свидетельства о смерти пропавших мужчин. Внутренними расследованиями не получены доказательства того, что пропавшие были арестованы в ходе какой-либо массовой спецоперации или что такие спецоперации вообще проводились. Правительство утверждало, что камуфляжная форма похитителей и тот факт, что они были вооружены и говорили по-русски, не доказывают, что они были военнослужащими. Упоминание транспортных средств, используемых во время некоторых похищений, таких как УАЗ, Газель, Нива и даже БТР, по мнению Правительства, однозначно не указывает на причастность военных или правоохранительных структур, так как такие транспортные средства могли быть получены преступными группировками. Ни один из свидетелей не указал на военные знаки отличия формы преступников или другие детали, которые бы связывали их с воинскими частями или силовыми структурами. Наконец, не были найдены тела пропавших, и утверждения заявителей, что их родственники мертвы, являются спекулятивными.

94. Суд сначала повторит общие принципы, применимые в тех случаях, когда фактические обстоятельства оспариваются сторонами, а затем изучит каждый случай в отдельности.

А. Доводы сторон

1. Бремя доказывания

95. Суд отмечает, что в его прецедентной практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется

спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием существования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно факта. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-VIII).

96. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя, таким образом, только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), № 28883/95, 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по Статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995 года, Series A № 336, § 32; и *Avşar*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

97. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель делает утверждение, достаточное при отсутствии опровержения (*prima facie*), и приводит соответствующие доказательства. Если в ответ на эти заявления Правительство не раскрывает важнейшие документы, необходимые для установления фактов или иные удовлетворительные и убедительные объяснения, то это приводит Суд к соответствующим определенным выводам (см. *Varnava*, цит. выше, § 184, с последующими ссылками). На Правительство возлагается обязанность дать исчерпывающее объяснение по фактам травм и смертей, произошедшим с лицами, содержащими под стражей (см. *Ribitsch*, § 32, и *Avşar*, § 283, оба дела цит. выше с последующими ссылками). Суд напоминает в связи с этим уровень убедительности, необходимый для того, чтобы прийти к определенному выводу, и что распределение бремени доказывания естественно связано со спецификой фактов (см. *Nachova and Others v. Bulgaria* [GC], nos. 43577/98 and 43579/98, § 147, ECHR 2005-VII). В делах, касающихся вооруженных конфликтов, суд отнес это обязательство к ситуациям, когда люди были найдены ранеными или мертвыми, или пропали без вести в районах, находящихся под исключительным контролем властей, и в таком случае при отсутствии опровержения (*prima facie*) сотрудники государства могли быть задействованы (см. *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II (выдержки); *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 May 2005; *Makhauri v. Russia*, no. 58701/00, § 123, 4 October 2007; *Gandaloyeva v. Russia*, no. 14800/04, § 89, 4 December 2008; и *Varnava*, § 184).

2. Неопровержимое доказательство исключительного контроля властей

98. В Суде находится целый ряд дел, касающихся заявлений об исчезновениях на территории Северного Кавказа, в частности в Чечне и Ингушетии. Ссылаясь на вышеуказанные принципы, он пришел к выводу, что утверждение заявителей *prima facie* (достаточное при отсутствии опровержения) о случаях похищений, совершенных военнослужащими, таким образом, подпадает под контроль властей, и поэтому на Правительство переходит бремя доказывания или путем раскрытия документов, которые находятся в его исключительном владении, или путем представления удовлетворительного и убедительного объяснения того, как произошли рассматриваемые события (см., среди прочего, *Aziyev v. Russia*, no. 77626/01, § 74, 20 March 2008; *Utsayeva and Others v. Russia*, no. 29133/03, § 160, 29 May 2008; and *Khutsayev and Others v. Russia*, no. 16622/05, § 104, 27 May 2010).

99. При изучении этих случаев у суда имелись трудности, связанные с получением доказательств, учитывая тот факт, что, зачастую, заявители могли представить лишь незначительное число доказательств в подтверждение своей жалобы. Доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), были достигнуты в первую очередь на основании свидетельских показаний, в том числе поданных самими заявителями в суд и в органы государственной власти, а также иные доказательства, свидетельствующие о присутствии военных или сотрудников спецслужб в данном районе в указанное время. Суд опирался на то, что указывалось наличие военных транспортных средств и оборудования; имелся беспрепятственный проход похитителей через военные блокпосты, в частности, во время комендантского часа; на стиль поведения, характерный для проведения спецопераций по обеспечению безопасности, например, оцепление территорий, проверка документов, удостоверяющих личность, обыск помещений, опрос жителей, общение в рамках субординации и на другую соответствующую информацию о специальных операциях, например отчеты СМИ и НКО. Принимая во внимание наличие этих элементов, суд приходил к выводу, что территории, о которых идет речь, находились под исключительным контролем органов государственной власти в связи проведением военной или иной спецоперации и присутствием военнослужащих (см., например, *Ibragimov and Others v. Russia*, no. 34561/03, § 82, 29 May 2008; *Abdulkadyrova and Others v. Russia*, no. 27180/03, § 120, 8 January 2009; and *Kosumova and Others v. Russia*, no. 27441/07, § 67, 7 June 2011). Если Правительство не опровергло эту презумпцию, то это влечет за собой признание нарушения Статьи 2 Конвенции в его материальной части. И, наоборот, когда заявителям не удалось представить доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), тогда бремя доказывания не может быть отменено (см., например, *Tovsultanova v. Russia*, no. 26974/06, §§ 77-81, 17 June 2010; *Movsayevy v. Russia*, no. 20303/07, § 76, 14 June 2011; and *Shafiyeva v. Russia*, no. 49379/09, § 71, 3 May 2012).

3. Могут ли родственники заявителей считаться умершими

100. Даже в тех случаях, где ответственность государства за непризнаваемое задержание была установлена, судьба пропавшего без вести человека часто остается неизвестной. Суд неоднократно делал выводы о том, что пропавший без вести человек может быть признан умершим. Как правило, такой вывод достигался в ответ на заявления государства-ответчика о том, что человек еще был жив или не было доказано, что он погиб от рук агентов государства. Презумпция смерти не является автоматической и достигается только в результате изучения обстоятельств дела, при котором существенным элементом является период с того момента, когда человека видели живым или получали о нем известия (см. *Varnava*, cited above, § 143, and *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, §§ 82-83, ECHR 2000-VI).

101. Принимая во внимание многочисленные дела об исчезновениях людей на территории Чечни и Ингушетии, рассмотренные судом ранее, он заключает, что в условиях конфликта, если кого-то задерживают неустановленные агенты государства, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию (см. среди многих других дел, например, в отношении Чечни: *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, 27 July 2006; *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, ECHR 2006-XIII (extracts); *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-VIII (extracts); *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 April 2007; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, 10 May 2007; *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 July 2007; and *Dubayev and Bersnukayeva v. Russia*, nos. 30613/05 and 30615/05, 11 February 2010, и в отношении Ингушетии: *Khatuyeva v. Russia*, no. 12463/05, 22 April 2010; *Mutsolgovva and Others v. Russia*, no. 2952/06, 1 April 2010; and *Velkhiyev and Others v. Russia*, no. 34085/06, 5 July 2011).

102. Суд делал выводы о презумпции смерти при отсутствии каких-либо достоверных известий о человеке, попавшем без вести от четырех с половиной лет (см. *Imakayeva*, цит. выше, § 155) до десяти лет.

С. Заявления по настоящему делу

1. Жалоба №. 2944/06, Сацита Аслаханова против России

103. Несколько свидетельских показаний и другие документы, собранные заявителем, подтверждают, что ее муж г-н Автаев был похищен в Грозном 10 марта 2002 года группой вооруженных мужчин, которые использовали военную технику. По решению районного суда муж заявителя был объявлен пропавшим без вести с 10 марта 2002 года (см. пункты 10, 13 и 15 выше). С учетом всех материалов, имеющихся в распоряжении суда, он считает, что заявительница представила доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что ее муж был похищен агентами государства при обстоятельствах, как они были изложены заявителем.

104. Правительство хотя и усомнилось в обоснованности некоторых доказательств, представленных заявительницей, но не раскрыло никакие материалы из уголовного дела и не исполнило иным образом свое бремя доказывания, например, путем представления удовлетворительной и убедительной версии рассматриваемых событий.

105. Принимая во внимание общие принципы, перечисленные выше, Суд считает установленным, что г-н Апти Автаев был задержан агентами государства 10 марта 2002 года. В связи с отсутствием каких-либо сведений о нем с этого времени и учитывая, что такое задержание является угрожающей жизни ситуацией (см. пункты 101 и 102 выше), Суд также считает, что г-н Автаев должен считаться умершим после его непризнаваемого задержания.

2. Жалоба №. 8300/07, Баршова и другие против России и жалоба №42509/10, Ахмед Шидаев и Белкис Шидаева против России

106. Заявители представили достаточное количество свидетельств, в том числе подробные показания заявителя Ахмеда Шидаева, и доказали, что 23 и 25 октября 2002 года группа вооруженных людей проехала на автомобиле УАЗ через военный контрольно-пропускной пункт, расположенный на мосту через реку Сунжа в Грозном. Группа провела обыски в нескольких домах и арестовала четырех мужчин, трое из которых впоследствии исчезли. Четвертый мужчина, Ахмед Шидаев, был освобожден похитителями через несколько дней и дал подробные показания о том, как его похитили и содержали под стражей вместе с тремя пропавшими мужчинами предположительно на военной базе. Документы, рассмотренные судом, показывают, что расследование уголовного дела подтвердило эти факты (см. пункты 17, 20-23 выше). Суд считает, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что трое их родственников: два брата Баршovy и отец Ахмеда Шидаева - были похищены агентами государства.

107. Правительство сослалось на незавершенность расследования уголовного дела и отсутствие доказательств о проведении спецопераций, содержании под стражей или смерти родственников заявителей. Тем не менее, Суд считает факт того, что расследование не смогло продвинуться дальше установления основных фактов, не опровергает аргументы заявителей. Правительство также сослалось на то, что, возможно, похитители не были агентами государства. Однако это предположение не подтверждается никакими достоверными доказательствами, имеющимися на рассмотрении суда, и противоречит установленным обстоятельствам дела. Суд считает, что Правительство не представило никаких доводов для исполнения бремени доказывания.

108. По тем же причинам, что и выше, Суд считает, что Сулумбек Баршов, Анзор Баршов и Абуязид Шидаев должны считаться умершими после их непризнаваемого задержания.

3. Жалоба №. 50184/07, Малика Амхадова и другие против России

109. Заявители представили свидетельские показания о том, что Аюб Темерсултанов был арестован в своем доме в Грозном 1 июля 2004 года. Похищение было осуществлено группой до двадцати человек, которые были хорошо вооружены, одеты в камуфляжную форму и вели переговоры по радиации. Группа обыскала квартиру заявителей и их квартиры соседей, проверили документы жителей. Их транспортные средства, в том числе БТР, не имели номерных знаков и единой колонной проходили через блокпосты. Двое других мужчин, задержанных вместе с г-ном Темерсултановым, были освобождены в тот же день и дали показания об их задержании и допросе (см. пункты 32 и 33 выше). Документы из материалов уголовного розыска, раскрытые Правительством, подтверждают эту версию.

110. По тем же причинам, что и выше, суд считает, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, относительно задержания г-на Темерсултанова в ходе непризнаваемой спецоперации. Также суд считает, что утверждения Правительства о незавершенности расследования или о том, что похитители, возможно, не были агентами государства, не отменяют удовлетворительное и убедительное объяснение событий, произошедших 1 июля 2004 года, как это было представлено заявителями. И поэтому суд считает, что при таких обстоятельствах г-н Темерсултанов должен считаться умершим.

4. Жалоба №. 332/08, Сагаипова и другие против России

111. Доводы сторон и материалы уголовного дела содержат большое количество доказательств, что рано утром 22 февраля 2003 года, примерно десять человек в камуфляжной форме и масках, вооруженные автоматическим оружием, ворвались в несколько домов в селе Дачу-Борзой, Грозненский район. Похитители говорили на русском языке и общались с командованием по радиации, арестовали трех родственников заявителей, привели их босиком и в нижнем белье на мост через реку Аргунь, где их посадили в военную технику, среди которой были автомобиль УАЗ и БТР. Колонна техники затем проехала через контрольно-пропускной пункт и военную базу (см. пункты 34-37). Таким образом, суд считает, что имеются доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что похищение было совершено агентами государства.

112. По тем же причинам, что и выше, суд считает, что Правительство не выполнило своего бремени доказывания. И при данных обстоятельствах Суд признает, что Аюб Налбиев, Бадрудин Абазов и Рамзан Тепсаев должны считаться умершими.

С. Заявления по настоящему делу

113. Суд находит, как и в ряде других дел, по которым постановления были вынесены ранее, что родственники заявителей были похищены

группами вооруженных мужчин в униформе, которые проводили спецоперацию. Эти группы свободно проезжали через блокпосты полиции и военных, использовали технику, которую, по всей видимости, не мог использовать никто другой, кроме сотрудников государства. Утверждения заявителей были подтверждены показаниями очевидцев, которые были собраны или самими заявителями или в ходе расследования. В своих обращениях к властям заявители постоянно утверждали, что их родственники были задержаны сотрудниками государства. Внутригосударственное расследование также приняло представленные заявителями фактические предположения и предприняло шаги для того, чтобы выявить, были ли федеральные силы вовлечены в похищение. Как видно из документов, следователи рассматривали версию похищения, совершенного военными, как единственную или основную, и считали правдоподобным изложение событий.

114. В целом, в изложении обстоятельств каждого дела содержится достаточно элементов, которые позволяют суду сделать выводы о проведении спецоперации и, таким образом, об исключительном контроле государства над задержанными (см., среди прочего, дело многих других, *Betayev and Betayeva v. Russia*, №37315/03, §§ 69-70, 29 мая 2008 года). Доводы Правительства ограничивались ссылкой на незавершенный характер уголовного расследования, которое само по себе поднимает вопросы о соответствии Конвенции, или имели теоретический характер и находились в противоречии с доказательствами, имеющимися на рассмотрении суда. В любом случае, они являются недостаточными, для того чтобы освободить Правительство государства-ответчика от бремени доказывания, которое на него возлагается в подобных случаях.

115. Содержание каждого из восьми мужчин под стражей при угрожающих жизни обстоятельствах и длительный период отсутствия каких-либо новостей от них приводят суд к выводу, что они должны считаться умершими.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

116. Заявители жаловались на двойное нарушение права на жизнь: кроме того, что их родственники исчезли, по данному факту не было проведено эффективное расследование. Статья 2 Конвенции гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Приемлемость

117. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

В. Существо дела

1. Существо

118. Судом уже установлено, что родственники заявителей должны считаться умершими после непризнаваемого задержания сотрудниками государства. Ответственность за их предполагаемую смерть возложена на государство-ответчика. В отсутствие каких-либо доводов для оправдания их смерти, которые Правительство могло бы представить, Суд считает, что имело место нарушение права на жизнь в отношении Апти Автаева, Сулумбека Баршова, Анзора Баршова, Абуязида Шидаева, Аюба Темерсултанова (также известного как Руслан Тупиев), Аюба Налбиева, Бадрудина Абазова и Рамзана Тепсаева.

2. Предполагаемая неадекватность расследования похищений

(а). Доводы сторон

119. Заявители утверждали, что расследование похищения их родственников проводилось неэффективно и было неадекватным в нарушение требований по Статье 2 Конвенции. Они указывали на задержки в проведении следователями основных мероприятий, неспособность установить и допросить важных свидетелей, за исключением заявителей или их соседей, повторяющиеся факты приостановления и возобновления производства по делу, а также отказ уведомлять потерпевших по делу о ходе расследования.

120. Правительство считает, что расследование было эффективным и что заявители должным образом были информированы обо всех важных действиях по делу. По мнению Правительства, заявители не в полной мере использовали их процессуальный статус потерпевших и тем самым не исчерпали внутренние средства правовой защиты.

(а). Доводы сторон

121. Суд повторяет, что обязанность гарантировать право на жизнь, предусмотренная статьей 2 Конвенции, подразумевает осуществление – в какой-либо форме – эффективного официального расследования в случаях причинения смерти в результате применения силы. Он разработал целый ряд руководящих принципов, которых следует придерживаться при расследовании в соответствии с требованиями Конвенции. Для того чтобы расследование незаконного убийства агентами Государства было

эффективным, то, как правило, лица ответственные за проведение расследования, должны быть независимы от тех, кто имеет отношение к рассматриваемому делу (см. *Ramsahai and Others v. the Netherlands* [GC], no. 52391/99, § 325, ECHR 2007-II, и *Öğur v. Turkey* [GC], no. 21954/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Расследование должно быть эффективным, то есть способно установить обстоятельства случившегося, привести к определению об оправданности применения силы в этих обстоятельствах и привести к установлению виновных лиц и их наказанию. Данное обязательство [государства] связано не с гарантированием результата, а с предоставлением достаточных средств. Власти должны предпринять необходимые меры, имеющиеся в их распоряжении для обеспечения доказательств по делу, в том числе, свидетельских показаний и вещественных доказательства. В этом контексте предполагаются требования своевременности и разумности расследования. Любой недостаток, допущенный при осуществлении расследования, который может сказаться на возможности установления причины смерти или ответственного лица, ставит вопрос о несоответствии расследования критерию требуемого стандарта эффективности (см. *Leonidis v. Greece*, no. 43326/05, § 68, 8 January 2009, and *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, § 139, ECHR 2002-IV). Кроме того, информация о ходе расследования должна быть доступна для членов семьи в объеме, необходимом для защиты их законных интересов. Также должен быть обеспечен достаточный уровень общественного контроля над следствием, которой может меняться от случая к случаю (см. *Varnava*, цит. выше, § 191, и *Giuliani and Gaggio v. Italy* [GC], no. 23458/02, § 303, ECHR 2011 (extracts))

122. Исчезновение является особым феноменом и характеризуется длящимся состоянием неопределенности и безответственности, при котором надлежащая информация отсутствует или даже данные о происшествии преднамеренно скрываются и запутываются. Такая ситуация очень часто продолжается в течение долгого времени, продлевая страдания родственников исчезнувшего лица. И в связи с этим процедурные обязательства будут, по всей видимости, сохраняться до тех пор, пока не известна судьба человека, пропавшего без вести; явная неспособность властей провести необходимое расследование будет рассматриваться как длящееся нарушение. Это требование сохраняется даже в тех случаях, когда в конечном итоге предполагается факт смерти (см. *Varnava*, цит. выше, § 148).

123. Более конкретно, в отношении исчезновений, которые имели место в Чечне и Ингушетии в период с 1999 по 2006 годы, суд ранее уже определил следующие общие недостатки в ходе внутреннего расследования: задержки в возбуждении уголовного дела и принятии основных следственных действий; длительные периоды бездействия, непроведение особо важных следственных мероприятий, в первую очередь направленных на установление и допрос военных и сотрудников спецслужб, которые могли бы свидетелями или участвовали в похищении, непривлечение к сотрудничеству военных прокуроров даже в тех случаях, когда имелось достаточно доказательств причастности военнослужащих к преступлению, неспособность проследить передвижение транспортных средств, их

принадлежность и прохождение через военные блокпосты; задержки в вынесении постановлений о статусе потерпевших в отношении родственников пропавших и необеспечение общественного контроля, путем извещения ближайших родственников о важных следственных действиях и непредставление им доступа к результатам расследования. Во многих таких случаях суд отметил, что комплекс подобных факторов указывает на неэффективность уголовного расследования, и, таким образом, установил, что внутренние средства правовой защиты, потенциально доступные для жертв, оказались бесполезными (см., среди прочего, *Vakhayeva and Others v. Russia*, no. 1758/04, § 157, 29 October 2009; *Shokkarov and Others v. Russia*, no. 41009/04, § 107, 3 May 2011; and *Umarova and Others v. Russia*, no. 25654/08, § 94, 31 July 2012).

124. Далее суд рассмотрит общую эффективность уголовного расследования случаев исчезновения. Во всех рассматриваемых судом делах, расследования велись в течение нескольких лет, без таких ощутимых результатов, как установление личностей виновных или судьбы пропавших без вести родственников заявителей. Хотя обязанность эффективно расследовать имеет отношение к средствам, а не результатам, суд отмечает, что уголовное расследование по каждому из четырех дел, возбужденных в районной прокуратуре, страдает от комплекса тех же недостатков, которые были перечислены в предшествующем пункте. Например, задержки при возбуждении уголовных дел составили от семи дней в случае с Абуязидом Шидаевым (см. пункт 21 выше) и более пяти месяцев в случае с Апти Автаевым (см. пункт 12 выше). Очевидцы похищения были допрошены со значительным промедлением, например, семь и девять месяцев в случае похищения братьев Баршовых (см. пункты 22 и 23 выше). По каждому из рассматриваемых дел было принято несколько решений о приостановлении расследования, после чего имели место периоды бездействия, что еще больше снизило перспективы раскрытия преступлений. Никакие шаги не были предприняты ни по одному из четырех уголовных дел, для того чтобы установить личности и допросить военнотружущих, которые могли быть свидетелями, регистрировали факт проведения спецоперации или участвовал в ней.

125. Даже в тех случаях, когда имелись достаточные доказательства причастности военных или сотрудников службы безопасности к спецоперации, дела не были переданы в военную прокуратуру для расследования, как, например, в случае похищения в селе Дачу-Борзой (см. пункт 36 выше). Это дело наглядно демонстрирует низкий уровень сотрудничества спецслужб, которые отказались предоставить правоохранительным органам необходимую информацию (см. пункты 39-41). Как и во многих предыдущих делах, надзирающие прокуратуры и суды были осведомлены о недостатках расследования (см. пункты 14, 28-30), но их указания не привели ни к каким положительным результатам. Наконец, даже в тех случаях, когда заявители пытались получить доступ к материалам уголовного дела, их просьбы были отклонены (см. пункты 14 и 28). Таким образом, они не имели возможности ознакомиться с ходом расследования для обеспечения своих процессуальных интересов эффективным образом.

126. Суд объединил предварительное возражение Правительства относительно неисчерпания средств защиты с рассмотрением дела по существу. И в связи с вышеизложенным, отклоняет предварительное возражение, так как упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах.

127. В свете вышесказанного суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Апти Автаева, Сулумбека Баршова, Анзора Баршова, Абуязида Шидаева, Аюба Темерсултанова (также известного как Руслан Тупиев), Аюба Налбиева, Бадрудина Абазова и Рамзана Тепсаева в нарушение процессуальной части Статьи 2 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 и 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С НЕПРИЗНАВАЕМЫМ ЗАДЕРЖАНИЕМ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ РОДСТВЕННИКОВ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

128. Заявители жаловались по Статьям 3 и 5 Конвенции, что в результате исчезновения их родственников и незаконного лишения их свободы они испытали душевные страдания. Статьи 3 и 5 Конвенции в соответствующих частях гласят:

Статья 3

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

Статья 5

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

129. Правительство оспорило этот аргумент.

130. Суд отмечает, что эта жалоба тесно связана с рассмотренными выше заявлениями по Статье 2, и поэтому должна быть признана приемлемой.

131. Суд уже находил во многих случаях, что в ситуации насильственного исчезновения близкие родственники могут быть признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения (см. дело *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года и дело *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

132. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. дело *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 года и дело *Luluyev*, цит. выше, § 122).

133. Суд повторяет свои выводы относительно ответственности государства за похищения и непроведение эффективного расследования для установления судьбы пропавших мужчин. Он считает, что заявители, которые являются близкими родственниками исчезнувших людей, должны быть признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции, так как они испытали стресс и пережили страдания в связи с этим, и они продолжают страдать в результате неспособности установить судьбу членов их семей, а также по причине отказа властей рассмотреть должным образом их жалобы.

134. Кроме того, суд считает установленным, что родственники заявителей были задержаны представителями. И в виду отсутствия каких бы то ни было законных оснований такого задержания оно признается судом особо серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ АХМЕДА ШИДАЕВА (ЖАЛОБА №42509/10)

135. Ахмед Шидаев также жаловался, что он сам стал жертвой нарушения Статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением со стороны похитителей и неспособности властей провести расследование по его жалобам, и жертвой нарушения Статьи 5 в связи с незаконным содержанием под стражей в период с 25 по 30 октября 2002 года.

136. Правительство подчеркнуло, что никакого отдельного уголовного расследования не проводилось в связи с предполагаемым задержанием Ахмеда Шидаева и жестоким обращением с ним. Суд отмечает, что Правительство поднимает вопрос о неисчерпани средств защиты, и поэтому считает целесообразным объединить его с рассмотрением существа жалобы.

137. Кроме того, Суд отмечает, что эта жалоба тесно связана с жалобами, рассмотренными выше, и поэтому должна также быть объявлена приемлемой.

1. Подвергался ли Ахмед Шидаев жестокому обращению в нарушение Статьи 3 и непризнаваемому задержанию в нарушение Статьи 5

138. Заявитель просил суд установить факт жестокого обращения, которому он подвергнулся, и квалифицировать его как «пытка», ссылаясь на свой юный возраст (в октябре 2002 года ему было 18 лет), интенсивность жестокого обращения, которое включало избиения прикладами автоматов и дубинками, сигаретные ожоги на коже, лишение пищи и воды, содержание под стражей в земляной яме в течение пяти дней. Заявитель слышал, как его родственники и соседи подвергались избиениям, плакали и просили о помощи. На протяжении всего времени, пока он находился под стражей, он понимал, что его могли убить. Заявитель ссылаясь на показания свидетелей, сделанные лично им и его родственниками в ходе внутреннего расследования, в которых содержится описание обращения, которому он подвергнулся, и какие последствия это оказало на его здоровье.

139. Правительство сослалось на отсутствие вещественных доказательств, подтверждающих травмы заявителя, или следов жестокого обращения. Оно подчеркнуло, что г-н Шидаев никогда не обращался за медицинской помощью в связи с его предполагаемыми травмами.

140. Возвращаясь к предварительному возражению Правительства относительно не исчерпания внутригосударственных средств защиты, которое было объединено с рассмотрением дела по существу, то суд, во-первых, замечает, что заявитель своевременно и должным образом информировал власти о его похищении группой вооруженных людей, вероятно принадлежащих к федеральным силам. Расследование по факту похищения четырех человек, в том числе Ахмеда Шидаева, было возбуждено 31 октября 2002 года и не было завершено до настоящего времени. Следовательно, суд считает, что заявитель подал жалобы, касающиеся жестокого обращения и незаконного задержанию, на национальном уровне. По причинам, которые упоминались ранее в связи со Статьей 2 Конвенции, предварительное возражение Правительства отклоняется (см. *Nenkayev and Others v. Russia*, no. 13737/03, § 177, 28 May 2009).

141. Суд повторяет, что предположения о бесчеловечном и жестокое обращении должны подкрепляться надлежащими доказательствами. При оценке таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения», однако добавляет, что такие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, от 18 января 1978, § 161 *in fine* Series A № 25).

142. Суд установил, что Ахмед Шидаев был арестован 25 октября 2002 года в своем доме вместе с отцом Абуязидом Шидаевым, который впоследствии исчез и должен считаться умершим. Ахмед Шидаев был

освобожден похитителями 30 октября 2002 года и позже жаловался, что он подвергся жестокому обращению во время содержания под стражей. Суд отмечает, что сам факт нахождения в одиночном заключении в неизвестном месте и то, что заявитель был очевидцем жестокого обращения с отцом и соседями, вызвали у г-на Шидаева большой стресс и значительные страдания, и он пережил острый и постоянный страх подвергнуться жестокому обращению или даже быть убитым. С учетом всех известных обстоятельствах данного дела, что это обращение достигло порога «жестокости и унижения».

143. Таким образом, суд считает, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Ахмеда Шидаева по причине его незаконного задержания, а также имело место нарушение Статьи 3, запрещающей бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. В связи с этим Суд не считает необходимым рассматривать дальнейшие утверждения заявителя о жестоком обращении.

2. Предполагаемая неадекватность расследования жестокого обращения

144. Суд повторяет, что в ситуации, когда заявитель предъявляет спорные доводы о том, что он был подвергнут жестокому обращению в нарушение Статьи 3, важное условие, соединенное с общей обязанностью Государств-участников в соответствии со Статьей 1 Конвенции “обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции”, требует по умолчанию, чтобы было проведено официальное эффективное расследование. Обязательство провести расследование “не является обязательством предоставить результат, это обязательство применить необходимые средства”: не каждое расследование должно обязательно быть успешным или привести к выводам, которые совпадают с версией событий, предложенной заявителем; расследование, в принципе, должно привести к установлению фактов по делу и, если предположения оказываются верными, привести к установлению личности и наказанию виновных (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 102, *Reports* 1998 –VIII, и *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000 –IV).

145. Таким образом, расследование по заявлению о жестоком обращении должно быть адекватным. Это означает, что власти обязаны в любом случае предпринимать надлежащие меры для установления обстоятельств произошедшего, и не полагаться на поспешные или необоснованные выводы, для того чтобы раскрыть расследование или вынести какое-либо решение (см. *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 108, 26 January 2006, с последующими ссылками). Власти должны применить все соответствующие средства, находящиеся в их распоряжении, для того, чтобы получить доказательства по делу, включая, среди прочего, показания свидетелей, заключение судебной экспертизы. Любой недостаток расследования, который приводит к невозможности установить причину повреждений или личности обвиняемых, может расцениваться как

несоответствующий указанному стандарту. Кроме того, расследование должно быть быстрым. Наконец, должен быть достаточный элемент общественного контроля над расследованием или его результатами, в частности, во всех случаях заявителю необходимо предоставить эффективный доступ к процедуре расследования (см., среди прочего, *Mikheyev*, цит. выше, §§ 108-10, и *Bati and Others v. Turkey*, nos. 33097/96 and 57834/00, § 137, ECHR 2004-IV (extracts)).

146. В данном случае в ходе расследования было представлено достаточно доказательств в подтверждение заявлений о жестоком обращении с Ахмедом Шидаевым. В нескольких свидетельских показаниях, сделанных самим заявителем и его родственниками, утверждалось, что жестокое обращение с ним имело серьезные последствия для его здоровья. Однако следствием не были предприняты никакие шаги для получения дополнительной информации об этом аспекте преступления. Ни судебная, ни медицинская экспертиза не были назначены в ходе расследования и никакие иные меры не были приняты в отношении этой жалобы, кроме того, что г-н Шидаев был признан потерпевшим по делу.

147. В свете вышесказанного суд заключает, что в данном деле расследование не было адекватным, и приходит к выводу, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в ее процедурном аспекте, а также что расследование по заслуживающим доверия жалобам Ахмеда Шидаева на жестокое обращение было неэффективным.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

148. Заявители жаловались, что не имели эффективных средств правовой защиты в отношении заявленных нарушений, в частности, Статьей 2 и 3 Конвенции. И тем самым было нарушено требование Статьи 13, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

149. Правительство не согласилось с этим утверждением, указывая на наличие целого ряда средств защиты, доступных заявителям в ходе уголовного судопроизводства и в рамках российского гражданского законодательства.

А. Приемлемость

150. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

В. Существо дела

151. Суд отмечает, что изучил эффективность различных внутренних средств правовой защиты, предлагаемых Правительством России в ряде случаев.

152. В отношении жалоб в вышестоящие прокуратуры по Статье 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ (см. пункт 50 выше) суд напоминает, что он постоянно отказывался рассматривать чрезвычайные или исключительные средства защиты как средства, которые должны быть исчерпаны заявителями в целях соблюдения требований по Статье 35 § 1 Конвенции (см., среди прочего, *Trubnikov v. Russia* (dec.), no. 9790/99, 14 October 2003; *Isayeva and Others v. Russia*, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, § 90, 24 February 2005, *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, § 59, 1 March 2007; и *Umayev v. Russia*, no. 47354/07, § 94, 12 June 2012).

153. Во-вторых, статья 125 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает возможность судебного пересмотра некоторых решений следователей (см. пункт 51 выше). Суд повторяет, что, в принципе, полномочия суда отменить постановления о приостановлении уголовного дела и указать дефекты, которые следует устранить, являются средством защиты прав (см. среди прочего, *Trubnikov* (dec.), цит. выше). Таким образом, при обычном ходе событий такое обжалование может рассматриваться как возможное средство защиты, если прокуратура приняла решение не проводить расследование. Суд, тем не менее, сомневается, что это средство было бы эффективно в рассматриваемых обстоятельствах, где расследование уже приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. В этом случае суд не убежден в том, что обжалование этих постановлений в суде являлось бы эффективным средством правовой защиты и дало бы заявителям хоть какое-то возмещение. Он считает, следовательно, что в обстоятельствах данного дела обращение с жалобой в суд было бы изначально безнадежным и неэффективным (см. *Esmukhambetov and Others v. Russia*, no. 23445/03, § 128, 29 March 2011).

154. В качестве примера Суд отмечает, что некоторые заявители по настоящим делам пытались добиться судебного пересмотра решений следователей (см. пункты 14, 28 и 30 выше). Однако эти попытки не привели ни к какому позитивному изменению в ходе расследования, что подтверждает указанные выше заключения по Статье 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

155. Суд также отмечает, что общая эффективность уголовных расследований случаев, подобных рассматриваемым в настоящем деле, будет обсуждаться далее в связи со Статьей 46 Конвенции.

156. И, наконец, суд повторяет, что отсутствие результатов расследования уголовного дела неэффективными в том числе и возможные гражданско-правовые средства защиты (см. пункты 54-56 выше). Представленные Правительством замечания об отсутствии гражданских исков из Чечни и Ингушетии (см. далее) являются еще одним доказательством тщетности подобных попыток.

157. Следовательно, суд находит, что заявители не имели в распоряжении эффективных средств правовой защиты по своим жалобам и имело место нарушение Статьи 13 в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

158. С учетом многочисленных предшествующих выводов об отсутствии должного расследования заявлений об исчезновениях, Суд считает необходимым определить последствия применения статьи 46 Конвенции для государства-ответчика. Статья 46 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением...»

A. Доводы сторон

159. В виду многочисленных предшествующих выводов об отсутствии должного расследования заявлений об исчезновениях, имевших место в Чечне и Ингушетии в период с 1999 по 2006 годы, Суд задал ряд конкретных вопросов сторонам. Их ответы можно обобщенно изложить следующим образом.

1. Заявители

160. Заявители утверждали, что проблема отсутствия расследований исчезновений в Чечне и Ингушетии носит системный характер и является следствием отсутствия политической воли на расследование преступлений, совершенных сотрудниками сил безопасности и военнослужащими. В поддержку своих доводов они представили ряд соответствующих докладов, писем и расшифровок интервью с должностными лицами. Доводы, представленные обоими представителями заявителей, ПИР и г-ном Ицлаевым, в обобщенном виде приводятся ниже.

(а) Масштаб проблемы

161. В отношении масштаба проблемы заявители ссылались на соответствующую практику Суда и утверждали, что отсутствие расследований по данной группе дел должно быть квалифицировано в качестве системной проблемы в связи с количеством и частотой аналогичных нарушений, от которых отсутствуют средства правовой защиты, а также в связи с терпимым отношением властей к таким нарушениям, что приводит к длящейся ситуации, не соответствующей Конвенции. Они ссылались на выводы Суда в отношении нарушения процедурного аспекта статьи 2 в более чем 130 постановлениях, вынесенных до октября 2011 года и касающихся похищений в Чечне и Ингушетии в период с 1999 по 2006 годы. Заявители также цитировали утверждения

Уполномоченного по правам человека в Чечне, который полагает, что общее число исчезнувших лиц составляет 5000 (см. п. 80 выше).

(b) Неэффективность текущих уголовных расследований

162. Заявители утверждали, что существующая система уголовных расследований не подходит для расследования нарушений, совершенных в ходе так называемых контртеррористических операций на Северном Кавказе. Большинство дел, касающихся похищений, были возбуждены по статье 126 Уголовного кодекса (похищение человека). Деятельность следственных органов после возбуждения уголовного дела отличается характерными недостатками, которые были перечислены во многих постановлениях Суда. Расследования в отношении исчезновений в Чечне и Ингушетии, как правило, не доводятся до конца, а приостанавливаются на неопределенный срок. Заявители указали, что расследования приостанавливаются⁶ под предлогом невозможности установить виновных (ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса) или в связи с отсутствием состава преступления (ч. 2 ст. 24) даже в тех делах, в которых есть веские доказательства в отношении личности виновных, а также названий и номеров военных подразделений, в которых они служили.

163. В качестве примера заявители, представленные ПИР, обратили внимание Суда на шесть более ранних постановлений, касающихся исчезновений: *Bazorkina*, цит. выше; *Baysayeva*, цит. выше; *Isigova and Others v. Russia*, no. 6844/02, 26 June 2008; *Akhmadova and Others v. Russia*, no. 3026/03, 4 December 2008; *Rasayev and Chankayeva v. Russia*, no. 38003/03, 2 October 2008 и *Elsiyev and Others v. Russia*, no. 21816/03, 12 March 2009. В каждом из этих дел имели место особенно веские доказательства в отношении личности виновных, а также военных подразделений, в которых они служили. Заявители пришли к следующему выводу:

«...расследования по вышеназванным делам демонстрируют одну из наиболее ярких характерных черт практики непроведения расследований: вне зависимости от того, насколько веские доказательства есть в деле, виновные никогда не привлекаются к ответственности. В действительности наличие конкретных доказательств в отношении личности вероятных подозреваемых не снижает вероятность того, что следствие будет неэффективным».

164. Заявители признали, что были проведены некоторые реформы, направленные на повышение эффективности данных расследований. Создание в рамках Следственного комитета специального отдела по расследованию преступлений, которые стали предметом рассмотрения Европейского Суда, было оправданной и необходимой мерой. Однако данные реформы не решили основную проблему, а именно, терпимое отношение властей к отсутствию расследований; те проблемы, которые имели место в ходе расследований в течение многих лет, сохранились. После вынесения Судом постановлений по каждому из вышеназванных шести дел, представители заявителей пытались потребовать дальнейшего

⁶ Переведено «приостанавливается» как в английском оригинале постановления ЕСПЧ (прим. переводчика)

проведения следствия. Их попытки обеспечить прогресс по какому-либо из важных аспектов расследований, которые критиковал Суд, остались безуспешными.

165. Заявители также ссылались на институциональные недостатки расследований, проводимых Следственным комитетом, который не имеет возможности эффективно расследовать деяния, совершенные сотрудниками ФСБ, и в своей работе зависит от некачественного оперативного сопровождения, предоставляемого сотрудниками полиции, которые и сами могли быть причастны к похищениям. Они ссылались на письмо от 11 марта 2011 г. направленное заместителем прокурора Чечни главе негосударственной организации «Комитет против пыток», в котором прокурор обвинил сотрудников Следственного комитета прямо «укрытии» преступлений, связанных с похищениями (см. п. 84 выше).

166. Заявители утверждали, что нормы ст. 126 Уголовного кодекса не отражают в достаточной степени комплексную природу феномена насильственных исчезновений, и призывали к внесению изменений в соответствующее законодательство.

(с) Неэффективность существующего правового регулирования и правоприменительной практики для целей противодействия нарушениям, возникающим в связи с отсутствием расследований похищений

167. Заявители утверждали, что расследования похищений, совершенных на Северном Кавказе в ходе контртеррористических операций, остаются неэффективными. Это приводит к д лящемуся нарушению статьи 2 Конвенции в ее процедурном аспекте.

168. В отношении разделения полномочий между военными и гражданскими прокурорами и следственными органами заявители отметили, что в законодательстве и на практике полномочия военных следователей регулируются ограничительно. Военные следственные органы отказываются братья за дела, если только не установлена причастность конкретных военнослужащих; в то же время только они обладают неограниченным доступом к военным архивам и архивам сил безопасности и, соответственно, возможностью установить личность предполагаемых виновных. Недостаточное межведомственное взаимодействие было упомянуто в некоторых официальных письмах и документах. Кроме того, независимость военных прокуроров и следователей не может быть гарантирована, так как, согласно действующему законодательству, и военные следователи, и военные прокуроры являются военнослужащими, получают вознаграждение от Министерства обороны и проходят службу в расположении военных подразделений.

169. Приводя в качестве примера шесть дел, указанные в пункте 163 выше, заявители утверждали, что, несмотря на очень веские доказательства в каждом из них, военные прокуроры отказались признать причастность военнослужащих к преступлениям или прекратили производство по делам в связи с отсутствием события преступления. Они также не исполняли предписания судов и прокуроров в отношении мер, которые следствию

необходимо предпринять, и продолжали приостанавливать следствие в связи с невозможностью установить виновных, в то время как у них были все возможности для их установления.

170. Заявители по трем делам, представителем в которых был г-н Ицлаев, утверждали, что в ходе расследований должны были быть найдены ответы на ряд общих вопросов, касающихся проведения специальных операций, в частности, вопросов о процедуре получения разрешения на их проведение, фиксации их хода и представлении отчетов об их проведении; об установлении командующих; об ответственности за задержанных; о пропуске военных и иных транспортных средств через блокпосты, в частности, во время комендантского часа и о фиксации данных таких транспортных средств. Они подчеркнули, что материалы ни в одного из рассматриваемых уголовных дел не содержали показаний должностных лиц, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, и что проколы допросов заявителей и их соседей и родственников были составлены поверхностно. Повторяющийся характер этих и других нарушений свидетельствует о практике некачественного проведения расследований, которая не соответствует Конвенции.

171. Заявители указывали, что по прошествии времени возникают серьезные препятствия для успешного раскрытия преступлений в рассматриваемых делах; однако, по их мнению, эти препятствия не являются непреодолимыми. Они ссылались на преступления, которые были раскрыты целеустремленными следователями спустя годы, и цитировали обнадеживающие высказывания российских должностных лиц в этом отношении.

172. Заявители также ссылались на проблему сроков давности и на отсутствие согласованной официальной позиции в этом отношении. Они ссылались на развитие событий по двум делам после вынесения Судом постановлений: *Khadisov and Tsechoyev v. Russia* (no. 21519/02, 5 February 2009) и *Akhmadov and Others v. Russia* (no. 21586/02, 14 November 2008). В первом деле Суд квалифицировал обращение с заявителем в качестве пытки и пришел к выводу о нарушении статьи 3 и в материальном, и в процедурном аспекте. В мае 2010 года внутригосударственное уголовное расследование по фактам превышения полномочий было прекращено в связи с истечением срока давности. Во втором деле уголовное расследование по факту смерти родственников заявителей, возбужденное по признакам похищения человека и убийства, было прекращено октябре 2011 года со ссылкой на те же основания. Заявители подчеркнули, что в связи с тем, что преступление, предусмотренное статьей 126 Уголовного кодекса (похищение человека), может быть квалифицировано в зависимости от обстоятельств как тяжкое или как особо тяжкое, необходим более последовательный подход, который бы препятствовал применению срока давности к группе нераскрытых дел в ближайшем будущем. В качестве примера заявители ссылались на ст. 44 Конституции Республики Польша, которая предусматривает, что в отношении преступлений, не расследованных по политическим причинам, сроки давности начинают течь с момента, когда данные причины прекратили свое существование.

(d) Права потерпевших

173. Заявители жаловались на недостаточное участие потерпевших в производстве по уголовным делам. Ограничительное толкование соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса (в частности, ст.ст. 42 и 161) и отсутствие окончательных результатов в большинстве расследований похищений приводит к тому, что решения об отказе в предоставлении потерпевшим полного доступа к материалам следствия широко распространены. В некоторых делах право потерпевших получить такой доступ было подтверждено судебными решениями; в других делах и суды отказывали им в предоставлении доступа. В любом случае, даже если такой доступ предоставлялся (в большинстве дел спустя много лет после начала расследования), это не повышало его эффективность.

174. Заявители утверждали, что теоретически им доступны средства защиты, предусмотренные ст.ст. 124 и 125 Уголовно-процессуального кодекса, однако на практике они неэффективны даже в тех случаях, когда жалобы заявителей удовлетворяются. Они ссылались на многочисленные примеры из практики Суда, а также на опыт заявителей в рассматриваемых делах.

175. В отношении возможных реформенных мер заявители утверждали, что потерпевшим должно быть гарантировано право на полный доступ к материалам дела, когда расследование приостанавливается, а также на бесплатную юридическую помощь в случаях, когда можно предположить, что преступления были совершены представителями государства. Они также утверждали, что военные следователи должны быть отстранены от расследования преступлений, совершенных в ходе специальных операций, а гражданскими следователями и прокурорам должен быть предоставлен неограниченный доступ к военным архивам и архивам сил безопасности; следователей необходимо привлекать к уголовной ответственности за задержки в ходе расследования, которые привели к безвозвратной утрате доказательств.

(e) Розыск лиц, пропавших без вести

176. Заявители утверждали, что «общеизвестно», что не существует единой базы данных или информационного банка в отношении исчезновений, имевших место в регионе, и что ни одно из учреждений или лабораторий в Чечне и Ингушетии не способно проводить медицинские исследования, которые были бы необходимы в рамках любого комплекса мероприятий по установлению местонахождения и установления личности пропавших без вести лиц. Они ссылались на усилия МККК по созданию такой базы данных, а также на их рекомендацию по созданию банка данных ДНК для того, чтобы производить системный анализ соответствия генетических данных.

(f) Возможность получения компенсации

177. Заявители утверждали, что не существует доступного им внутригосударственного механизма получения компенсации в случаях,

когда имеется достаточная информация о том, что похищение было совершено неустановленными военнослужащими или сотрудниками сил безопасности, но конкретные виновные лица не установлены и не привлечены к ответственности, а производство по уголовному делу приостановлено.

178. Они полагали, что в Гражданский процессуальный кодекс необходимо внести изменения, которые бы наделяли лиц, пострадавших от действий неустановленных представителей государства, правом требовать компенсации до окончания уголовного расследования. Они также полагали, что государство-ответчик могло бы в административном порядке предоставлять компенсацию родственникам лиц, пропавших без вести в регионе с 1999 года.

2. Государство-ответчик

179. Государство-ответчик не согласилось с тем, что низкое качество расследований исчезновений, имевших место в Чечне и Ингушетии в период с 1999 по 2006 годы, является системной проблемой. Они описали сложности, возникающие в ходе данных расследований, и меры, предпринимаемые властями для решения этой проблемы.

(а) Масштаб проблемы

180. В подтверждение своего довода о том, что низкое качество расследований не является системной проблемой, государство-ответчик представило следующую статистику. В период с 1999 по 2006 годы было зарегистрировано 1876 преступлений, предусмотренных ст. 126 Уголовного кодекса (похищение человека); из них 139 дел было раскрыто, было установлено 95 лиц, причастных к данным преступлениям. В 2002 году в Чечне было зарегистрировано рекордное количество похищений – 565 случаев. С тех пор количество похищений сократилось: в 2006 году был зарегистрирован 61 случай похищений, а в 2010 году всего семь. В 2002 было раскрыто 3,5% таких преступлений; в 2003 году – 4,6%; в 2004 году – 8,6%; в 2005 году – 12,8%; в 2006 году – 28%. Средний уровень [раскрываемости] за эти пять лет составил 7,5%, а в 2010 году 33,3% похищений уже было успешно раскрыто.

181. Государство-ответчик также утверждало, что в период с 1999 по 2006 годы в Ингушетии было зарегистрировано 148 похищений. Из тридцати трех расследований, которые привели к судебному разбирательству, только одно дело завершилось оправдательным приговором. Двадцать четыре уголовных дела были прекращены в связи с отсутствием состава преступления или события преступления, а также в связи со смертью подозреваемого. Семьдесят одно уголовное расследование похищений того периода не окончено; большая часть (пятьдесят) приостановлена в связи с невозможностью установить виновных. Судьба семидесяти девяти лиц, пропавших без вести в период с 1999 по 2006 годы, установлена.

(b) Проблемы, связанные с уголовными расследованиями

182. Государство-ответчик признало, что ряд проблем, возникающих в ходе расследования рассматриваемых преступлений, носит распространенный характер. Оно подчеркнуло сложную общую обстановку в Чечне в то время. Проведение срочных следственных действий было невозможно в связи с угрозой безопасности, которая зачастую ставила под удар и дальнейшие попытки раскрыть преступления. Государство-ответчик также ссылалось на сложности в установлении виновных:

«2. Большинство уголовных дел, являющихся предметом рассмотрения Европейского Суда, были возбуждены по факту похищений, произошедших во время проведения военнослужащими в Чеченской Республике локальных специальных операций, направленных на установление местонахождения и задержание членов незаконных вооруженных формирований.

...

3. Как правило, похищения в Чеченской Республике происходили в ночное время. Похитители были в масках, на [их] форме не было знаков различия. Сложности в ходе расследований были вызваны одновременным участием в антитеррористических и специальных операциях значительного количества ресурсов и сил (Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности [и] внутренние войска Министерства внутренних дел), периодической ротацией личного состава с отбытием на место постоянной дислокации, а также, в некоторых делах, отсутствием индивидуальных номерных знаков на бронетехнике, самолетах и транспортных средствах».

183. Государство-ответчик подтвердило, что в большинстве случаев имели место неоправданные задержки в возбуждении дела и проведении важнейших мероприятий. Оно вновь подчеркнуло трудности, существовавшие в Чечне во время «активной фазы контртеррористической операции» [контртеррористическая операция в Чечне закончилась 16 апреля 2009 г.], в том числе, угрозы безопасности и частую ротацию личного состава.

(c) Работа Следственного комитета

184. Государство-ответчик далее отметило, что в сентябре 2007 года в Российской Федерации был образован Следственный комитет при Прокуратуре, а 28 декабря 2010 г. Федеральным законом «О Следственном комитете» ему была предоставлена независимость. Целью Комитета является обеспечение единого, эффективного и независимого уголовного разбирательства без существовавшего ранее межведомственного конфликта. 15 января 2011 г. в рамках Следственного управления по Чечне был создан специальный отдел («третий отдел по расследованию особо важных дел»), которому было поручено проведение расследований совершенных ранее похищений и убийств, которые стали предметом рассмотрения Европейского Суда. Создание этого отдела обеспечило единообразный подход к расследованию данных преступлений, оптимизировало контроль над расследованием и позволило более пристально следить за его ходом.

185. Усилиями данного подразделения был достигнут ряд важных результатов: командующие районных военных подразделений, сотрудники временных отделов внутренних дел и другие должностные лица были установлены и допрошены, ряд необходимых документов был получен в центральных архивах сил безопасности и правоохранительных органов. Следователи исправили упущения в расследованиях: провели осмотры мест происшествий, провели дополнительные допросы и получили заключения экспертов. Государство-ответчик перечислило шесть дел, которые были раскрыты в результате работы этого отдела, не сообщая каких-либо подробностей о природе данных успехов.

186. Государство-ответчик указало, что Следственный комитет разработал подробные рекомендации, направленные на обеспечение немедленной регистрации и эффективного расследования таких преступлений как похищения, даже если они произошли значительное время назад. Вся необходимая информация о работе Следственного комитета доступна в его подразделениях и в сети Интернет. 14 мая 2009 г. Следственный комитет принял инструкцию № 59/211, содержащую ряд мер, направленных на приведение стадии предварительного расследования в соответствие с международными стандартами.

187. Следственный комитет Южного федерального округа ведет электронную базу данных, содержащую информацию обо всех тяжких насильственных преступлениях, в частности, убийствах и террористических актах, совершенных в регионе, а также об установлении и задержании лиц, подозреваемых в похищениях. Информация предоставляется соответствующими подразделениями Следственного комитета, военными следователями и Министерством внутренних дел.

188. В 2011 году Следственный комитет начал требовать проведения ДНК тестов близких родственников пропавших лиц с целью создания базы данных, которая бы позволила сопоставлять их результаты с неопознанными останками. К октябрю 2011 года семьдесят заключений экспертов было затребовано и сорок семь получено.

189. Государство-ответчик пояснило, что эти дела продолжают представлять значительную сложность для Следственного комитета по прошествии времени (в связи с утратой следов преступлений и постепенным исчезновением воспоминаний у потерпевших и очевидцев). Оно также пояснило, что есть достаточные причины подозревать, что часть из этих преступлений была совершена членами незаконных вооруженных формирований, чтобы дискредитировать силы безопасности; в каждом деле следствие предприняло попытки проверить эту версию. Кроме того, многие важные официальные и военные документы того времени были уничтожены.

(d) Взаимодействие с военными и иными органами

190. Государство-ответчик утверждало, что сотрудники военных следственных органов, являющихся частью Следственного комитета и не зависящие от Министерства обороны, проверяли информацию о возможной причастности военнослужащих к рассматриваемым преступлениям. Их

участие было обусловлено подозрением, что виновные могли быть военнослужащими, даже если личности виновных и военные подразделения не были установлены.

191. Кроме того, следственный комитет может при необходимости привлекать к работе сотрудников других правоохранительных органов. Он активно взаимодействует с другими правоохранительными органами и органами безопасности, получая ответы на запросы о предоставлении информации и об идентификации лиц, участвовавших в контртеррористических операциях. Местной полиции было дано указание рассматривать любой запрос, касающийся похищений, в приоритетном порядке.

192. Генеральная прокуратура Российской Федерации сохранила полномочия по общему надзору за уголовными расследованиями. Военные прокуроры осуществляют надзор за работой военных следователей. Доступ к информации других государственных органов, который они получают в процессе работы, не ограничен и основан на соответствующих нормах Федерального закона «О прокуратуре» от 17 января 1992 г. с последующими изменениями (Федеральный закон № 22021).

193. Сотрудничество следственных органов с ФСБ предусмотрено соответствующим законодательством (см. п. 59 выше). Государство-ответчик также ссылалось на нормы, согласно которым все государственные органы обязаны предоставлять информацию по запросам ФСБ, а также на практику назначения специальных представителей ФСБ в военных и правоохранительных органах для целей обеспечения обмена информацией.

(e) Вопросы конфиденциальности

194. Государство-ответчик указало:

«34. Получение полной информации по запросу осложняется давностью событий, а также тем, что иногда запрашиваемая информация согласно российскому законодательству составляет государственную тайну, имеет различные степени секретности и является конфиденциальной».

Государство-ответчик ссылалось на нормы о конфиденциальности как на одну из основ антитеррористической деятельности. Оно подчеркнуло важность соответствующих инструкций Следственного комитета, регулирующих допуск к потенциально секретным документам (см. п. 58 выше). Оно пояснило, что даже если запросы об информации обоснованы с процессуальной точки зрения, необходимо учитывать риск того, что они могут быть использованы для персональной мести сотрудникам сил безопасности.

(f) Розыск лиц, пропавших без вести

195. Государство-ответчик перечислило другие органы, которые в дополнение к прокуратуре и Следственному комитету участвуют в розыске пропавших без вести лиц. Ряд постоянно действующих рабочих групп, созданных под эгидой Следственного комитета в Южном федеральном округе и в Чечне, анализируют материалы уголовных дел, которые являются предметом рассмотрения Европейского Суда, и взаимодействуют с другими

уполномоченными органами. В рабочие группы входят представители Министерства внутренних дел и ФСБ. Государство-ответчик не сообщило каких-либо других подробностей о структуре и полномочиях рабочих групп, а также о результатах их деятельности.

196. Государство-ответчик отметило, что в Чеченском парламенте был создан комитет по розыску лиц, пропавших в ходе контртеррористической операции, который работает в тесном взаимодействии со Следственным комитетом и Министерством внутренних дел. Опять же никакой дополнительной информации о работе данного комитета предоставлено не было.

197. В рамках отдела по борьбе с организованной преступностью российского Министерства внутренних дел было создано подразделение, специализирующееся на [расследовании] похищений и торговли людьми. Эксперты, работающие в этом подразделении, регулярно посещают Чечню, Ингушетию и другие субъекты на Северном Кавказе; с 2009 по 2011 годы они посетили регион семь раз. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. (Закон № 3-ФЗ) предусматривает, что местная полиция должна предпринять срочные меры после получения информации о похищении вне зависимости от того, было ли возбуждено уголовное дело. Министерства внутренних дел Чечни и Ингушетии, а также Министерство на федеральном уровне, ведут специальные базы данных, в которых собирается вся информация о пропавших без вести лицах и неопознанных трупах.

198. Прокуратуры Чечни и Ингушетии проводят мониторинг такого рода преступлений и ведут электронные базы данных убийств и похищений, а также электронную систему регистрации всех процессуальных действий, предпринятых в текущих уголовных расследованиях. Доступ к этим базам данных предоставляется Министерству внутренних дел, ФСБ, Следственному комитету и военным следователями и прокурорам.

199. Государство-ответчик далее описало два документа, принятые последовательно в 2007 и 2011 годах, которые предусматривают создание интегрированных программ, направленных на предотвращение похищений и на содействие в поиске пропавших без вести лиц. Наиболее поздний документ содержит план действий на 2011-2014 годы, включающий в себя создание единой базы данных, а также регулярное проведение заседаний межведомственной рабочей группы.

200. Судебно-медицинское бюро работает в Чечне с 2002 года, однако до марта 2008 года в нем не было возможностей для проведения вскрытий. На момент направления [государством-ответчиком] меморандума в бюро работало 26 судебно-медицинских экспертов, способных проводить различные биологические, химические и медицинские экспертизы, в том числе, вскрытия.

201. Государство-ответчик перечислило ряд других постоянно действующих рабочих групп, а также заседания, направленные на дальнейшее повышение эффективности расследований похищений в регионе и предотвращение таких преступлений. Такие рабочие группы включают в себя [представителей] различных правоохранительных органов

и работают в сотрудничестве с аппаратами уполномоченных по правам человека, НКО, международными организациями, такими как МККК, а также со средствами массовой информации.

(g) Работа с семьями пострадавших

202. Государство-ответчик указало, что одним из основных государственных приоритетов является предоставление полной и актуальной информации родственникам. Следственный комитет осуществляет комплексную программу по организации работы с потерпевшими. Во всех делах потерпевшим сообщается о важных процессуальных событиях, в частности, о приостановлении и возобновлении производства по их делу; им также предоставляется доступ к материалам дела согласно применимому законодательству. Им предоставляется полная информация обо всех решениях, которые могут стать предметом обжалования в прокуратуру, осуществляющую надзор, или в суд.

203. Согласно международным стандартам Следственный комитет проводит регулярные встречи с потерпевшими, разработал опросные листы для получения оценки своей работы и учета пожеланий потерпевших, а также готовит подробные отчеты о ходе и результатах [расследования] по каждому уголовному делу (согласно Приказу главы Следственного управления по Чечне № 44/216-р от 14 апреля 2010).

204. Государство-ответчик подчеркнуло, что потерпевшим доступны обычные средства правовой защиты, в частности, обращение с жалобой прокурору или в суд согласно ст.ст. 124-125 Уголовно-процессуального кодекса. Они ссылались на соответствующие постановления Верховного Суда и Конституционного Суда, направленные на обеспечение прав потерпевших. В настоящее время объем материалов расследуемых дел, доступ к которым предоставляется потерпевшим, определяется следователем, который в каждом деле должен соблюсти баланс между интересами правосудия и правом потерпевших на информацию. Во всех делах такие решения должны быть мотивированными и могут быть обжалованы в прокуратуру, осуществляющую надзор, или в суд. В любом случае у потерпевших есть право доступа к ряду важных процессуальных документов.

205. Государство-ответчик ссылалось на сложности, связанные с поиском родственников лиц, пропавших без вести; многие из них уехали из России, не оставив контактной информации.

206. Оно также ссылалось на планы проведения законодательной реформы, направленной на дальнейшее укрепление защиты прав потерпевших в уголовном процессе. В законопроекте предусмотрено право потерпевших получать информацию о ходе уголовного расследования и возможность получения компенсации от государства за ущерб, причиненный преступлением.

(h) Компенсация

207. Государство-ответчик ссылалось на положения Гражданского кодекса, касающиеся возможности получить компенсацию в случаях

причинения вреда государственными служащими и должностными лицами, а также незаконными действиями судей, прокуроров и сотрудников правоохранительных органов. Гражданский кодекс также предусматривает компенсацию морального вреда (см. п.п. 54-56 выше). Потерпевшие от преступлений в Чечне и Ингушетии до сих пор не прибегали к данным средствам правовой защиты.

208208. Государство-ответчик также ссылалось на национальное законодательство, предусматривающее пособие в связи с потерей кормильца, которое выплачивается в случаях смерти или официального признания лица безвестно отсутствующим в судебном порядке.

209. В заключение государство-ответчик ссылалось на свои планы по созданию нового компенсаторного средства правовой защиты для пострадавших от террористических актов, а также в ходе контртеррористических операций. В ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» предполагается внести изменения, предполагающие выплату компенсации в случаях, когда ущерб был причинен законными действиями должностных лиц, а также если виновные не были установлены. В случаях исчезновений компенсация могла бы выплачиваться после признания лица умершим или безвестно отсутствующим в судебном порядке. Создание такого средства защиты не лишит потерпевших права требовать компенсации материального ущерба и морального вреда согласно нормам Гражданского кодекса.

В. Общие принципы

210. Суд напоминает, что статья 46 Конвенции, истолкованная в свете статьи 1, налагает на государство-ответчика юридическую обязанность принять под надзором Комитета Министров меры общего и индивидуального характера, необходимые для того, чтобы обеспечить реализацию заявителем права, нарушение которого констатировал Суд. Реализация международно-правового обязательства Договаривающейся стороны, заключающегося в исполнении требований Конвенции, может предполагать совершение действий любым государственным органом, в том числе, законодательным. Такие меры также должны приниматься и в отношении других лиц, находящихся в схожей с заявителем ситуации, в частности, путем решения проблем, которые привели к [нарушению, признанному] Судом (см. *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], nos. 39221/98 and 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII; *Christine Goodwin v. the United Kingdom* [GC], no. 28957/95, § 120, ECHR 2002-VI; *Lukenda v. Slovenia*, no. 23032/02, § 94, ECHR 2005-X; *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], nos. 30562/04 and 30566/04, § 134, ECHR 2008 ...; и *M. and Others v. Bulgaria*, no. 41416/08, § 136, 26 July 2011). Комитет Министров при осуществлении контроля за исполнением постановлений Суда последовательно подчеркивает это обязательство (см., среди многих других документов, Промежуточные резолюции DH(97)336 по делам, касающимся длительности разбирательств в Италии; DH(99)43 по делам, касающимся действий сил безопасности в Турции; ResDH(2001)65 по делу *Scozzari and Giunta*, цит. выше;

ResDH(2006)1 по делам *Ryabykh v. Russia*, no. 52854/99, ECHR 2003-IX and *Volkova v. Russia*, no. 48758/99, 5 April 2005).

211. В принципе в задачи Суда не входит определение конкретных восстановительных мер, которые государство-ответчик должно принять в исполнение своих обязательств по статье 46 Конвенции. Задачей Суда является обеспечение быстрого и эффективного устранения недостатка, обнаруженного во внутригосударственной системе защиты прав человека (см. *Driza v. Albania*, no. 33771/02, § 125, ECHR 2007-XII (extracts)).

212. Суд может постановить, что возрастающее количество схожих дел подтверждает вывод о том, что имеет место «системная практика, не соответствующая Конвенции»: группа идентичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны для того, чтобы их можно было рассматривать не просто как отдельные случаи или исключения, а как типичную или системную практику. Такие нарушения свидетельствуют о длящейся ситуации, которая не была исправлена и от которой у заявителей нет внутригосударственных средств правовой защиты. Такая группа нарушений представляет собой практику, не соответствующую Конвенции. Представляется невероятным, что высшие власти государства могут не знать или, по крайней мере, вправе не знать о существовании такой практики. Кроме того, согласно Конвенции эти власти несут прямую ответственность за действия своих подчиненных; они обязаны обеспечить исполнение своей воли подчиненными и не могут прикрываться своей неспособностью обеспечить ее исполнение (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше § 159, и *Bottazzi v. Italy* [GC], no. 34884/97, § 22, ECHR 1999-V).

213. Суд напоминает, что в делах, касающихся лишения жизни, статья 2 Конвенции обязывает Договаривающиеся стороны проводить эффективное расследование, которое способно привести к установлению и наказанию виновных. Суд полагает, что это обязательство стало бы иллюзорным, если для утраты заявителями по жалобам на нарушение статьи 2 Конвенции статуса жертвы было бы достаточно выплатить им компенсацию (см. *mutatis mutandis*, *Yaşa v. Turkey*, 2 September 1998, § 74, Reports 1998-VI, и *Nikolova and Velichkova v. Bulgaria*, no. 7888/03, § 55, 20 December 2007, а также дела процитированные в них).

214. Процедурное обязательство в деле об исчезновении потенциально продолжает существовать до тех пор, пока судьба человека не установлена; продолжающееся отсутствие должного расследования рассматривается в качестве длящегося нарушения (см. *Varnava and Others*, цит. выше, § 148). Выяснение обстоятельств убийства и установление и наказание виновного не является единственной целью расследования исчезновения. Важная отличительная черта расследований исчезновений состоит в том, что, проводя расследования, власти также стремятся найти пропавшего человека или выяснить, что с ним или с ней случилось. В начале расследования дел об исчезновениях, власти зачастую вынуждены работать с очень малым количеством доказательств; они должны искать доказательства для того, чтобы найти пропавшего без вести человека или установить его или ее судьбу. Важные доказательства могут появиться лишь позднее. Кроме того, в международном праве существует консенсус о том, что привлечение к

ответственности виновных в совершении таких преступлений должно быть возможно даже спустя много лет после событий (см. *Er and Others v. Turkey*, no. 23016/04, §§ 55-57, 31 July 2012, с дальнейшими ссылками).

215. Статья 3 Конвенции требует от государства-ответчика проявлять сочувственное и уважительное отношение к беспокойству родственников умерших лиц и лиц, пропавших без вести, и помогать родственникам в получении информации и установлении соответствующих фактов. Молчание властей государства-ответчика в ответ на реальное беспокойство родственников не может быть расценено иначе как бесчеловечное обращение (see *Varnava and Others*, cited above, § 201).

С. Применение в настоящих делах

1. Существует ли системная проблема

216. В данном деле Суд констатировал, в частности, нарушения Статьи 2 в отношении восьми родственников заявителей, которые должны быть признаны умершими, а также в связи с неэффективностью уголовного расследования исчезновений; статьи 3 в отношении заявителей, которые страдали и продолжают страдать из-за того, что судьба их родственников остается неизвестной, а реакция властей на их ситуацию неудовлетворительной; статьи 5 в связи с непризнанным задержанием восьми мужчин; статьи 13 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты. Как указано выше, Суд регулярно констатировал нарушения тех же прав в схожих делах (к сентябрю 2012 года было вынесено более 120 постановлений). Кроме того, более 100 схожих дел были коммуницированы государству-ответчику, а другие в настоящее время находятся на рассмотрении Суда. Причины данных нарушений, изложенных выше (см. п.п. 101, 123, 131-132 и 153 выше), также схожи и взаимосвязаны.

217. Соответственно, Суд приходит к выводу, что ситуация, имеющая место в настоящем деле, проистекает из системной проблемы на национальном уровне, от которой не существует эффективного средства правовой защиты. Она затрагивает самую суть прав человека и требует срочного принятия всесторонних и комплексных мер.

218. О распространенном характере вышеописанных проблем свидетельствуют и другие источники, в том числе, государственные и международные органы, а также заявления различных должностных лиц (см. п.п. 62-82 выше). Несмотря на заверения государства-ответчика об обратном, большинство недавних документов, в частности, докладов Комитета Министров Совета Европы, свидетельствуют о том, что эти проблемы в значительной степени остаются нерешенными (см. п.п. 69-70 выше).

219. Хотя большинство дел касается исчезновений, имевших место с 1999 по 2006 годы в Чечне и Ингушетии, Суд приходил к выводу о неэффективности уголовных расследований и в делах, в которых похищения произошли до или после этого периода, а также вне этих двух субъектов (см. *Tashukhadzhiyev v. Russia*, no. 33251/04, 25 October 2011, об исчезновении в Чечне в 1996 году; *Umarovy v. Russia*, no. 2546/08, 12 June 2012, об

исчезновениях в 2007 году в Чечне и Дагестане; *Shafiyeva v. Russia*, цит. выше, об исчезновении в Дагестане в 2009 году). Поэтому Суд приходит к выводу, что, хотя системный характер нарушения очевиден в отношении периода с 1999 по 2006 годы, проблемы при расследовании таких событий намного более распространены; их необходимо учитывать при рассмотрении жалоб по схожим делам, которые имели место вне указанного временного периода или в других местах в регионе.

220. Учитывая масштаб и характер рассматриваемых проблем, Суд не может указать на конкретные меры общего и индивидуального характера, которые Россия должна предпринять для исполнения постановления. Он также не находит необходимым установить временные рамки для принятия данных мер. Рассмотрение вопроса о том, что требуется от государства-ответчика на практике для исполнения [постановления] и в какие сроки, является задачей Комитета Министров, действующего в рамках статьи 46 Конвенции (ср. *Abuyeva and Others v. Russia*, no. 27065/05, §§ 240-43, 2 December 2010).

221. Тем не менее, Суд считает необходимым дать пояснения о некоторых мерах, которые российским властям необходимо срочно предпринять для решения проблемы, заключающейся в системном непроведении расследований исчезновений на Северном Кавказе. Данные меры должны быть приняты с целью прекращения продолжающихся страданий родственников лиц, пропавших без вести, проведения эффективного расследования случаев похищений, незаконных задержаний и исчезновений, предположительно совершенных военнослужащими, а также обеспечения получения семьями жертв надлежащей компенсации. Принимая такие меры, российские власти обязаны должным образом учитывать выводы, сделанные в настоящем постановлении, применимую практику Суда, а также рекомендации, резолюции и решения Комитета Министров (см. *Ananyev and Others v. Russia*, nos. 42525/07 and 60800/08, §§ 212-13, 10 January 2012, и *Kaverzin v. Ukraine*, no. 23893/03, § 181, 15 May 2012). Ниже Суд указывает, в чем, по его мнению, заключается системная проблема и источник этой проблемы для того, чтобы помочь государствам в нахождении подходящего решения, а Комитету Министров в контроле за исполнением постановлений (см. Резолюцию Res(2004)3 и Рекомендацию Res(2004)6, принятые Комитетом Министров Совета Европы 12 мая 2004 г.).

2. Меры, которые необходимо предпринять

222. По мнению Суда, меры по решению проблемы систематического нерасследования исчезновений в регионе можно подразделить на две основные группы.

(а) Ситуация семей пострадавших

223. Первая группа мер, которые необходимо рассмотреть и которые, по мнению Суда, являются наиболее срочными, касается страданий родственников жертв исчезновений, которые до сих пор находятся в мучительном неведении относительно судьбы членов своих семей и обстоятельств их предполагаемой гибели. Суд уже приходил к выводу о том,

что из статьи 3 может следовать обязанность государства-ответчика установить обстоятельства смерти и местонахождение могилы (см. *Varnava and Others*, cited above, § 201).

224. Из рассматриваемых дел, а также из ряда предшествующих постановлений Суда по данной теме, очевидно, что в этом отношении уголовные расследования особенно неэффективны, что приводит к возникновению острого чувства беспомощности и беспокойства у потерпевших. Как правило, расследования похищений, обстоятельства которых свидетельствуют о проведении тайной специальной операции, не приводят к установлению судьбы пропавших без вести лиц. Несмотря на масштаб и серьезность проблемы, отмеченные в ряде внутригосударственных и международных докладов, реакция на этот аспект человеческих страданий, предоставляемый в ходе уголовных расследований, остается неудовлетворительным. Так, согласно статистике, представленной российскими властями, средний уровень раскрываемости таких преступлений в Чечне составляет 7,5%, а в 2002 году, когда произошло наибольшее количество исчезновений, он опустился до 3,5% (см. п. 180 выше).

225. Различные экспертные органы и должностные лица дали российским властям ряд рекомендаций в этом отношении (см. п.п. 72, 74, 77, 80-82 выше). Не перечисляя их все, Суд отмечает, что часто повторяется предложение о создании единого, достаточно высокопоставленного органа по расследованию исчезновений в регионе, которому бы предоставлялся неограниченный доступ ко всей необходимой информации, и работа которого строилась бы на основании доверия и партнерства с родственниками пропавших. Этот орган мог бы создать и вести единую базу данных всех исчезновений, которой, судя по всему, до сих пор не существует. Государство-ответчик в своем меморандуме указывает на целый ряд учреждений, которые ведут такие списки (см. п.п. 197-198), однако эти базы данных не достаточно взаимосвязаны; само количество органов, ответственных за сбор такой информации, может быть показателем необходимости в более согласованном подходе. Эта точка зрения подтверждается в экспертных докладах, процитированных выше, а также тем, что о точном масштабе проблемы до сих пор существуют сильно различающиеся мнения.

226. Еще одной срочной необходимостью является целевое выделение достаточных ресурсов для проведения широкомасштабной судебно-медицинской и научной работы на месте, заключающейся, в том числе, в установлении местонахождения захоронений и проведении эксгумации, сборе, хранении и идентификации останков и, при необходимости, систематическом установлении соответствия с помощью современных генетических баз данных (см. п.п. 77, 80 и 81 выше). Как указывает государство-ответчик, часть работы в этом отношении уже выполнена (см., например, п. 200 выше); Суд приветствует данные меры, в особенности те, которые были приняты после 2010. Однако было бы разумно сконцентрировать соответствующие ресурсы в рамках специализированного учреждения, находящегося в регионе, где произошли исчезновения, и,

возможно, работающего под эгидой вышеназванного специализированного высокопоставленного органа или в тесном взаимодействии с ним.

227. Еще один аспект проблемы касается возможности выплаты финансовой компенсации семьям пострадавших, как это указано в меморандуме государства-ответчика. Суд приветствует предстоящие изменения и отмечает, что в некоторых случаях выплата значительной финансовой компенсации в совокупности с четким и однозначным признанием ответственности государства за «приводящую в отчаяние и болезненную ситуацию» родственников может разрешить вопросы в рамках статьи 3 (см. *Skendži and Krznari v. Croatia*, no. 16212/08, § 96, 20 January 2011).

228. Суд также не исключает возможности односторонних предложений о компенсации родственникам в делах, касающихся лиц, подвергшихся исчезновению или убитых неизвестными, в которых имеют место *prima facie* доказательства того, что внутригосударственное расследование не соответствовало Конвенции. Помимо вопроса о компенсации в таком предложении государство-ответчик должно, по меньшей мере, признать этот факт, а также взять на себя обязательство провести под контролем Комитета Министров в рамках исполнения им своих функций, предусмотренных статьей 46 § 2 Конвенции, расследование в полном соответствии с требованиями Конвенции, определенными Судом в предшествующих схожих делах (см. *Tahsin Acar v. Turkey* (preliminary issue) [GC], no. 26307/95, § 84, ECHR 2003-VI).

(b) Эффективность расследования

229. Вторая группа мер, которые должны быть срочно приняты для исполнения настоящего постановления, касается неэффективности уголовного расследования, приводящей к безнаказанности виновных в наиболее тяжких нарушениях прав человека. Суд напоминает свою позицию, сформулированную в деле *Варнава*, процитированном выше:

“191. Суд не сомневается, что через много лет после событий достаточно сложно получить показания очевидцев, установить предполагаемых виновных и предъявить им обвинения. Однако практика Суда в отношении процедурных обязательств однозначна. Основная задача такого расследования состоит в том, чтобы обеспечить эффективное исполнение государственного законодательства, направленного на защиту права на жизнь, а в делах, касающихся представителей государства или государственных органов, - также обеспечить привлечение их к ответственности за смерти, имевшие место в пределах их контроля. Даже если в конкретной ситуации существуют препятствия, мешающие ходу расследования, своевременная реакция властей исключительно важна для поддержания уверенности общества в их приверженности [принципу] верховенства права и для предотвращения видимости их причастности к незаконным действиям или терпимого отношения к ним (см. *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, §§ 111 and 114, ECHR 2001-III; и *Brecknell v. the United Kingdom*, no. 32457/04, § 65, 27 November 2007). Помимо того, что расследование должно быть независимым, доступным для семей пострадавших, в разумной степени скорым и своевременным, допускающим достаточный общественный контроль над его ходом и результатами, оно также должно быть эффективным в том смысле, что в рамках него должно быть возможным установить, была ли смерть причинена незаконно, и, если так, установить и наказать виновных (see *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 88, ECHR 1999-III; *Hugh Jordan v. the United*

Kingdom, no. 24746/94, §§ 105-109, 4 May 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (dec.), no. 56413/00, 8 January 2002).

192. ... Возможно, расследование не удастся закончить, или будет недостаточно доказательств. Однако такое развитие событий не является неизбежным даже по прошествии многих лет, а государство-ответчик не может быть освобождено от обязанности прилагать должные усилия. В качестве примера Суд напоминает, что в Северной Ирландии власти решили, что следственные органы (Группа по изучению тяжких преступлений или Группа по историческим расследованиям) будут изучать материалы дел, касающихся совершенных в прошлом убийств на почве религиозной ненависти и нераскрытых убийств, и оценивать наличие каких-либо новых доказательств и возможность провести дополнительные следственные действия; в делах, рассмотренных Судом, эти меры были признаны достаточными в конкретных обстоятельствах и с учетом прошедшего [с момента событий] времени (см. *Brecknell*, цит. выше, §§ 71, 75, 79-81). Таким образом, нельзя сказать, что ничего более сделать нельзя.

193. Возможно, обе стороны конфликта предпочли бы не проливать свет на имевшие место репрессии, внесудебные казни и массовые убийства и не устанавливать причастных к ним из числа своих вооруженных сил и граждан. Возможно, что они предпочли бы «политически деликатный» подход к проблеме лиц, пропавших без вести, и что КПЛ [Комиссия по пропавшим без вести лицам] с ограниченным мандатом была единственным решением, которое было возможно согласовать при посредничестве ООН. Это не влияет на применение положений Конвенции”.

230. Длящееся обязательство расследовать ситуации установленной или предполагаемой смерти, в которых есть хотя бы *prima facie* доказательства причастности государства, остается в силе даже после того, как по делу был разрешен гуманитарный вопрос в рамках статьи 3. Суд признает наличие сложностей, на которые ссылалось государство-ответчик, и приветствует меры, направленные на решение, по крайней мере, некоторых распространенных проблем, в частности, обеспечение более тесного межведомственного сотрудничества, введение правил доступа к конфиденциальной информации и обеспечение прав потерпевших в уголовном процессе (см., в частности, п.п. 202-206 выше). Тем не менее, представляется, что необходим ряд дополнительных мер общего характера в этом направлении.

231. Суд хорошо понимает сложности, возникающие у Российской Федерации в ходе борьбы с незаконными вооруженными формированиями на Северном Кавказе, которые используют исключительно дерзкие террористические методы. Поэтому он понимает необходимость в создании эффективной системы по противодействию им и в поддержании правопорядка в этом многострадальном регионе. Однако в рамках демократического общества, построенного на [принципе] верховенства права, недопустимо, чтобы представителям данной системы была гарантирована безнаказанность за преступления. В силу обязательств по Конвенции должна быть возможность обеспечить привлечение к ответственности [сотрудников] антитеррористических служб и сил безопасности, не поступаясь правомерной необходимостью бороться с терроризмом и поддерживать необходимый уровень конфиденциальности.

232. На практике исключительно важно, чтобы исчезновения, произошедшие в регионе в прошлом, стали предметом всесторонних и концентрированных усилий со стороны правоохранительных органов. В

виду четких общих характеристик и схожих черт в таких событиях, исключительно важно разработать ограниченную по времени действия стратегию или план действий по разрешению ряда вопросов, которые являются общими для всех дел, в которых есть подозрения о причастности представителей вооруженных сил государства к похищениям. Такой план должен также включать оценку того, насколько отвечают реалиям существующие правовые концепции преступных действий, приводящих к специфическому и широко распространенному феномену исчезновений.

233. Как признает государство-ответчик и как видно из документов, изученных Судом, в рассматриваемых делах и во многих схожих делах, рассмотренных ранее, ряд военных подразделений и сил безопасности может быть заподозрен в участии в операциях. Однако реализация каких-либо попыток получить более конкретную информацию оказалась очень сложной по ряду организационных причин, а также в связи с конфиденциальностью (см. меморандум государства-ответчика, п.п. 182-83, 185 и 194). Соответственно, для того, чтобы такие расследования стали эффективными, следственным органам необходимо будет выяснить, какие подразделения участвовали в специальных операциях по установлению и захвату подозреваемых членов незаконных вооруженных формирований в конкретных районах и в конкретное время и кто командовал ими, а также каковы процедуры фиксации таких операций и отчетности о них. Им также будет необходимо установить, кто в рамках операций нес ответственность за задержанных. Еще одним аспектом таких общих расследований должно быть решение проблемы доступа к журналам проезда транспортных средств через блокпосты сил безопасности, в том числе, во время комендантского часа, что является общей чертой для многих похищений.

234. С описанным выше тесно связан вопрос беспрепятственного доступа следователей к необходимой информации вооруженных сил и служб безопасности. Проблема отсутствия взаимодействия со следователями достаточно часто фигурирует в соответствующих документах, в том числе в материалах рассматриваемых [в настоящем постановлении] дел (см. п.п. 39-41 и 81-82 выше). Сложно представить, как следственная группа или группы, расследующие данные преступления, могут работать эффективно, не имея неограниченного доступа ко всем необходимым данным, в том числе, информации о командующих и личном составе, участвовавших в операциях, и, соответственно, не имея возможности установить и допросить тех, кто отдавал приказы или совершал действия, являющиеся предметом расследования. В исключительных случаях, когда есть опасения за безопасность личного состава, должно быть возможным, как минимум, установить звания сотрудников и принадлежность их к конкретным подразделениям. Однако такие исключения должны быть жестко урегулированы и не могут становиться правилом или оставаться неизменными в случаях, когда есть достаточная информация о том, что было совершено тяжкое преступление.

235. Рассмотрев вопрос о доступе к конфиденциальной информации, Суд не считает необходимым абстрактно ставить под сомнение независимость военных прокуроров и следователей; однако необходимо

обеспечить, чтобы следствие и надзор за ним не поручалось лицам или структурам, которые можно заподозрить в причастности к рассматриваемым событиям (см. *Putintseva v. Russia*, no. 33498/04, § 52, 10 May 2012).

236. Следующая тема, которую необходимо рассмотреть, касается доступа родственников пострадавших к материалам уголовного дела, когда следствие приостановлено, иногда в течение ряда лет. Суд неоднократно констатировал, что положения российского законодательства и правоприменительная практика создают ситуации, напрямую затрагивающую правомерные интересы потерпевших в рамках уголовного разбирательства. В более широком смысле это также влияет на поддержание достаточного общественного контроля над расследованием и его результатами для того, чтобы обеспечить привлечение к ответственности не только в теории, но и на практике, а также для поддержания уверенности общества в приверженности властей [принципу] верховенства права и для предотвращения видимости их причастности к незаконным действиям или терпимого отношения к ним (см. *Anguelova v. Bulgaria*, cited above, § 140). Текущая неудовлетворительная ситуация должна быть изменена при должном внимании к необходимости обеспечить защиту конфиденциальной или секретной информации. Это может быть сделано, например, путем введения нормы о предоставлении потерпевшим доступа к материалам дел, когда следствие приостанавливается в связи с невозможностью установить виновных; при этом должно быть возможным исключить конкретные документы, носящие конфиденциальный или секретный характер.

237. В заключение необходимо рассмотреть вопрос о применении сроков давности к ряду расследований похищений, совершенных до 2007 года. Учитывая тяжесть этих преступлений, большое количество затронутых лиц и соответствующие правовые стандарты, применимые к таким ситуациям в современных демократиях, Суд приходит к выводу, что прекращение текущих расследований похищений исключительно на основании истечения срока давности противоречит обязательствам по статье 2 Конвенции (см. *Association 21 December 1989 and Others v. Romania*, nos. 33810/07 and 18817/08, § 194, 24 May 2011). Суд также отмечает, что нет оснований для применения срока давности к возможности проводить расследования незаконных убийств, возникающей через много лет после событий, так как общественные интересы в привлечении к ответственности и осуждении виновных однозначно признаются, в особенности в контексте военных преступлений и преступлений против человечности (см. *Brecknell v. the United Kingdom*, no. 32457/04, § 69, 27 November 2007).

3. Выводы

238. Представляется, что для прекращения или хотя бы смягчения длящегося нарушения статей 2 и 3, возникших в связи с исчезновениями на Северном Кавказе с 1999 года, необходимо предпринять ряд срочных действий, направленных на достижение результата. Хотя контроль над исполнением окончательных постановлений является, согласно статье 46 § 2 Конвенции, задачей Комитета Министров, Суд считает, что системные сбои в расследовании таких преступлений, требуют принятия ряда

восстановительных мер, описанных выше. Учитывая распространенный характер рассматриваемых нарушений, их природу и острую необходимость их устранить, представляется необходимым, чтобы государство-ответчик без промедления разработало комплексную и ограниченную по времени действия стратегию по работе с проблемами, перечисленными выше (см. п.п. 223-237 выше) и представило ее в Комитет Министров для контроля над исполнением.

239. В настоящее время Суд не считает возможным приостановить рассмотрение других схожих дел, находящихся в его производстве, в связи с серьезностью и дилетантским характером заявленных нарушений

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

240. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Доводы сторон

1. Жалоба № 2944/06, Сацита Аслаханова против России

(a) Ущерб

241. Заявительница потребовала компенсацию материального ущерба в размере 3 038 928 российских рублей (руб.). Она утверждала, что ее муж был каменщиком и единственным кормильцем семьи, и что она могла бы рассчитывать на 30% от его доходов плюс 10% доходов на ребенка до достижения им совершеннолетия. Ее расчеты были выполнены с использованием Огденских страховых таблиц, изданных Правительственным Отделом Страховых Расчетов Великобритании в 2007 году ("Огденские таблицы"). В отсутствие каких-либо документов с последнего места работы мужа или информации о доходах, заявительница сослалась на справку Чеченской передвижной механизированной колонны, согласно которой, по состоянию на сентябрь 2008 года рабочий строительной специальности «каменщик» получает ежемесячно 24 000 рублей.

242. Заявительница также потребовала компенсации морального ущерба в размере 70 000 евро.

243. Правительство оспорило разумность и обоснованность этих требований.

(b) Издержки и расходы

244. Заявительница потребовала возмещения 6 154 евро за расходы и издержки, понесенные в ходе рассмотрения дела во внутренних инстанциях и в суде. Она представила копию соглашения, заключенного с ее юридическими представителями, и информацию об издержках и расходах,

включая почтовые квитанции и счета переводчиков. Она просила перечислить эту сумму непосредственно на банковский счет своих представителей в Нидерландах.

245. Правительство оспорило разумность и обоснованность этих требований.

2. Жалоба № 8300/07, Баршова и другие против России и жалоба №42509/10, Ахмед Шидаев и Белкис Шидаева против России

(a) Ущерб

246. Все заявители в отношении морального ущерба, причиненного им в результате незаконного задержания и исчезновения их близких родственников, просили назначить сумму компенсации по усмотрению суда. Кроме того, Ахмед Шидаев просил назначить компенсацию ему как жертве жестокого обращения и незаконного содержания под стражей.

(b) Издержки и расходы

247. Заявители потребовали возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела во внутренних инстанциях и в суде. Они представили копии соглашений, заключенных с их юридическим представителем, и информацию об издержках и расходах, включая почтовые квитанции и счета переводчиков. В связи с этим заявительница Лариса Баршова требовала компенсировать 8 726 евро, Ахмед и Белкис Шидаевы требовали компенсировать 6 777 евро.

248. Правительство выразило сомнение в том, что названные расходы фактически имели место и являлись разумными.

3. Жалоба № 50184/07, Малика Амхадова и другие против России

(a) Ущерб

249. Заявители потребовали компенсации материального ущерба в размере 1 112 321 российских рублей (руб.). Они утверждали, что Аюб Темерсултанов был безработным на момент похищения, но он являлся единственным кормильцем семьи. Они утверждали, основываясь на минимальном прожиточном уровне, установленном федеральным и региональными законодательствами, что как мать и жена они могли рассчитывать на 20% его доходов плюс 10% доходов на ребенка до достижения им совершеннолетия. Их расчеты были выполнены с использованием Огденских страховых таблиц.

250. Заявители также потребовали компенсации морального ущерба в размере 500 000 евро.

(b) Издержки и расходы

251. Заявители потребовали возмещения 1 812 евро за расходы и издержки, понесенные в ходе рассмотрения дела во внутренних инстанциях и в суде. Они представили копию соглашения, заключенного с их

юридическими представителями, и информацию об издержках и расходах, включая почтовые квитанции и счета переводчиков. Они просили перечислить эту сумму непосредственно на банковский счет своих представителей в Нидерландах.

252. Правительство выразило сомнение в том, что названные расходы фактически имели место и являлись разумными.

4. Жалоба № 332/08, Сагаипова и другие против России

(а) Ущерб

253. Сацита Сагаипова, Аминат Налбиева и Абу Налбиев – жена и младшие дети Аюба Налбиева потребовали компенсации материального ущерба в размере 2 297 750 российских рублей (руб.). Они утверждали, что Аюб Налбиев имел работу на момент похищения и содержал свою семью, хотя никаких справок, имеющих отношение к его работе или размеру заработной платы, они не могли предоставить. Они утверждали, что до достижения младшим ребенком совершеннолетия, жена Аюба и каждый ребенок могли бы рассчитывать на ежемесячное содержание, равное прожиточному минимуму, предусмотренному федеральным и региональным законодательствами.

254. Все заявители в отношении морального ущерба просили назначить сумму компенсации по усмотрению суда.

(b) Издержки и расходы

255. Заявители потребовали возмещения 10 299 евро за расходы и издержки, понесенные в ходе рассмотрения дела во внутренних инстанциях и в суде. Они представили копию соглашения, заключенного между Сацитой Сагаиповой, Татьяной Магомерзаевой и Седой Абазовой с их юридическим представителем г-ном Ицлаевым, а также информацию об издержках и расходах, включая почтовые квитанции и счета переводчиков. Они просили перечислить эту сумму непосредственно на банковский счет их представителя в Чечне.

256. Правительство указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, которые действительно были понесены заявительницей и являлись разумными в отношении их суммы. Оно оспаривало, что заявители выполнили это требование в рассматриваемом случае.

В. Оценка суда

1. Основные принципы

257. Суд повторяет, что должна быть ясная причинно-следственная связь между ущербом, понесенным заявителями и нарушением Конвенции, которая может, в соответствующем случае, быть основанием для присуждения справедливой материальной компенсации, в том числе и за потерю заработка. Суд также находит, что потеря заработка может быть отнесена на счет близких родственников пропавших людей, в

том числе супругов, престарелых родителей и малолетних детей (см. среди прочего дело *Imakayeva*, цит. выше, § 213).

258. Во всех случаях нарушения Конвенции суд признает, что заявителям был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован простым признанием факта нарушений и назначает финансовую компенсацию.

259. Что касается расходов и издержек, то суду предстоит установить, действительно ли имели место указанные представителями расходы и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 September 1995, § 220, Series A no. 324, и *Fadeyeva v. Russia*, no. 55723/00, § 147, ECHR 2005-IV).

2. Заявление по рассматриваемым жалобам

260. Принимая во внимание сделанные выводы, вышеуказанные принципы и доводы сторон, суд присуждает заявителям компенсации, в размерах, о которых подробно говорится в Приложении II, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эти суммы. Суммы компенсации за расходы и издержки должны быть выплачены представителям на банковские счета в Нидерландах и России, как было указано заявителями.

D. Выплата процентов

261. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решает* объединить жалобы;
2. *Объявляет* жалобы неприемлемыми;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее материальной части в отношении восьми родственников заявителей: Апти Автаева, Сулумбека Баршова, Анзора Баршова, Абуязида Шидаева, Аюба Темерсултанова (также известного, как Руслан Тупиев), Аюба Налбиева, Бадрудина Абазова и Рамзана Тепсаева;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения восьми родственников заявителей;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей в связи с перенесенными ими страданиями по причине исчезновения их родственников и равнодушия властей к их жалобам;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении исчезнувших родственников заявителей;

7. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении бесчеловечного и жестокого обращения с Ахмедом Шидаевым во время его содержания под стражей с 25 по 30 октября 2002 года и отказом властей эффективно расследовать его заявления;

8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Ахмеда Шидаева в связи с незаконным задержанием с 25 по 30 октября 2002 года;

9. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции 2;

10. *Постановляет*

(a) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, суммы, указанные в Приложении II, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этих сумм; конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты, за исключением издержек и расходов, понесенных заявителями, чьи интересы представляла организация SRJI;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

11. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 14 июня 2011 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь

Изабель Берро Лефевр, Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Заявители

Номер жалобы и имя	Информация по жалобе	Заявители	Пропавший без вести, дата и место похищения	Расследование
1. 2944/06 Сацита Аслаханова против России	Подана 13 января 2006, представитель -SRJI; коммуникация 30 апреля 2008.	Сацита Аслаханова, 1971 г.р., жена Апти Автаева и мать двоих его детей, 1997 и 1999 г.р. Живет в г. Урус-Мартан, Чечня.	Апти Автаев, 1967 г.р. Пропал 10 марта 2002 года, Грозный.	19 августа 2002 года в Ленинском РОВД г. Грозного было возбуждено уголовное дело №48139. Никакие материалы из уголовного дела не были раскрыты. Следствие по делу приостановлено. 11 марта 2003 года Ленинский районный суд г. Грозного признал Апти Автаева пропавшим без вести с 10 марта 2002.
2. 8300/07 Лариса Баршова против России	Подана 9 января 2007; представитель Д. Ицлаев; коммуникация 20 мая 2009.	Лариса Баршова, 1952 г.р., мать двух исчезнувших мужчин. Живет в г. Грозный, Чечня.	Сулумбек и Анзор Баршovy, 1981 и 1983 г.р. Пропали 23 октября в Грозном.	Уголовное дело №48188 по факту похищения братьев Баршовых и двух членов семьи Шидаевых было возбуждено 31 октября 2002 года в Ленинском РОВД г. Грозного. В мае 2011 года Правительство представило все материалы уголовного дела на 592 страницах.
3. 42509/10 Ахмед Шидаев и Белкис Шидаева против России	Подана 28 июля 2010; представитель Д. Ицлаев; коммуникация 19 января 2011.	1) Ахмед Шидаев, 1984 г.р., сын пропавшего мужчины; 2) Белкис Шидаева, 1949 г.р., жена пропавшего. Оба живут в г. Грозном, Чечня.	Абуязид Шидаев, 1944 г.р. Пропал 25 октября 2002 года в Грозном.	7 мая 2010 года по жалобе Белкис Шидаевой в связи со статьей 125 УПК Ленинский районный суд г. Грозного отменил постановление о приостановлении расследования, вынесенное 20 ноября 2008 года. Суд постановил, что следователи не провели целостного и полного расследования. По состоянию на ноябрь 2010 года, уголовное дело осталось не раскрытым, не были получены никакие результаты в отношении поиске пропавших или выявления виновных
4. 50184/07 Малика	Подана 23 октября 2007	1) Малика Амхадова, 1947 г.р., мать	Аюб Темерсултанов (также	Расследование по факту похищения было возбуждено в прокуратуре Ленинского района г.

<p>Амхадова и другие против России</p>	<p>представитель -SRJI; коммуникация 26 января 2010.</p>	<p>пропавшего мужчины; 2) Малика Абубакирова, 1979 г.р., жена пропавшего; 3) Аминат Темерсултанова, 2002 г.р.; 4) Фатима Темерсултанова, 2003 г.р.; 5) Танзила Темерсултанова, 2004 г.р., дочери Аюба Темерсултанова и второй заявительницы. Все заявители живут в с. Мескер-Юрт, Шалинский район, Чечня.</p>	<p>известный как Руслан Тупиев), 1972 г.р. Пропал 1 июля 2004 года в Грозном</p>	<p>Грозного 9 августа 2004 года. Правительство представило 75 страниц из материалов уголовного дела. Последние документы по делу датированы октябрем 2007 года; на тот момент расследование не было завершено. Заявители обжаловали бездействие следственных органов в прокуратуре, но не в суде.</p>
<p>5. 332/08 Сацита Сагаипова и другие против России</p>	<p>Подана 16 ноября 2007; представитель Д. Ицлаев; коммуникация 29 июня 2009.</p>	<p>1) Сацита Сагаипова, 1971 г.р., жена Аюба Налбиева; 2) Хадижат Налбиева, 1937 г.р., мать Аюба Налбиева; 3) Аминат Налбиева, 2000 г.р., дочь Аюба Налбиева; 4) Абу Налбиев, 2003 г.р., сын Аюба Налбиева; 5) Седа Абазова, 1937 г.р., мать Бадрудина Абазова; 6) Татьяна Магомерзаева, 1953 г.р., мать Рамзана Тепсаева; 7) Аминат</p>	<p>1) Аюб Налбиев, 1971 г.р.; 2) Бадрудин Абазов, 1976 г.р.; 3) Рамзан Тепсаев, 1981 г.р. Похищены 22 февраля 2003 года, Дачу-Брозой, Грозненский район.</p>	<p>Уголовное дело по факту похищения трех человек возбуждено в прокуратуре Грозненского района 12 марта 2003 года. Правительство раскрыло 422 страницы из материалов уголовного дела. Следствие по делу было приостановлено в последний раз в 2007 году и по-прежнему находится в производстве.</p>

		Магомерзаева, 1983 г.р., сестра Рамзана Тепсаева. Все заявители живут в с. Дачу-Борзой, Грозненский район, Чечня		
--	--	--	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Компенсация, назначенная Судом по Статье 41 Конвенции

Номер жалобы и имя	Заявители	Компенсация материального ущерба	Компенсация морального ущерба	Издержки и расходы
2944/06 Сацита Аслаханова против России	Сацита Аслаханова, 1971 г.р., жена Апти Автаева и мать двоих его детей, 1997 и 1999 г.р.	EUR 14,000	EUR 60,000	Представителям SRJI EUR 3,000
8300/07 Лариса Баршова против России	Лариса Баршова, 1952 г.р., мать двух исчезнувших мужчин.	-	EUR 120,000	Представителю Д. Ицлаеву EUR 3,000
42509/10 Ахмед Шидаев и Белкис	1) Ахмед Шидаев, 1984 г.р., сын пропавшего мужчины; 2) Белкис Шидаева, 1949 г.р., жена пропавшего.	-	EUR 60,000, совместно EUR 7,500 первому заявителю как жертве жестокого обращения и незаконного	Представителю Д. Ицлаеву EUR 3,000

Шидаева против России			содержания под стражей.	
50184/07 Малика Амхадова и другие против России	1) Малика Амхадова, 1947 г.р., мать пропавшего мужчины; 2) Малика Абубакирова, 1979 г.р., жена пропавшего; 3) Аминат Темерсултанова, 2002 г.р.; 4) Фатима Темерсултанова, 2003 г.р.; 5) Танзила Темерсултанова, 2004 г.р., дочери Аюба Темерсултанова и второй заявительницы.	EUR 16,000, совместно	EUR 60,000, совместно	Представителям SRJI EUR 1,812
332/08 Сацита Сагаипова и другие против России	1) Сацита Сагаипова, 1971 г.р., жена Аюба Налбиева; 2) Хадижат Налбиева, 1937 г.р., мать Аюба Налбиева; 3) Аминат Налбиева, 2000 г.р., дочь Аюба Налбиева; 4) Абу Налбиев, 2003 г.р., сын Аюба Налбиева; 5) Седа Абазова, 1937 г.р., мать Бадрудина Абазова; 6) Татьяна Магомерзаева, 1953 г.р., мать Рамзана Тепсаева; 7) Аминат Магомерзаева, 1983 г.р., сестра Рамзана Тепсаева.	EUR 14,000 первому, третьему и четвертому заявителям, совместно	1) EUR 60,000, совместно первому, второму, третьему и четвертому заявителям; 2) EUR 60,000 пятому заявителю; 3) EUR 60,000, совместно шестому и седьмому заявителям.	Представителю Д. Ицлаеву EUR 9,000